

0 -770413

На правах рукописи

МОЛЧАНОВ Константин Владимирович

**ЭКОНОМИКО-ФИЛОСОФСКОЕ ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ
КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОБОСНОВАНИЯ
МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ПРОЕКТА
РАЗВИТИЯ РОССИИ**

09.00.11 – социальная философия

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук**

Ростов-на-Дону – 2008

**Работа выполнена в ГОУ ВПО «Южно-Российский государственный
технический университет (Новочеркасский политехнический институт)»**

Научный консультант: доктор социологических наук, профессор
Бондаренко Ольга Васильевна

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Андреев Эдуард Михайлович
Институт социально-политических исследований РАН
г. Москва

доктор экономических наук, профессор
Рязанцев Игорь Павлович
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова г. Москва

доктор философских наук, профессор
Радовель Михаил Рувинович
Южный федеральный университет г. Ростов н/Д

Ведущая организация: **Санкт-Петербургский государственный университет**

Защита состоится «25» июня 2008 г. в 10.00 на заседании диссертационного
совета Д 212.208.01 по философским и социологическим наукам в ФГОУ ВПО
«Южный федеральный университет» (344006, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская,
160, ИППК ЮФУ, ауд. 34).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Южного
федерального университета (344006, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 160).

Автореферат разослан *23 мая 2008 г.*

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ЮГУ

0000437417

Ученый секретарь
диссертационного совета

Марин

М.Б. Маринов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Вопрос об осмыслении путей и характера развития России до сих пор сохраняет свою актуальность, несмотря на второе десятилетие с начала социально-экономических реформ. И если раньше речь шла о постсоциалистическом выборе России, то теперь обсуждаются новые пути развития в XXI в.

Выполнение основных программ первого этапа социально-экономического реформирования 90-х годов прошлого столетия – либерализации, приватизации, финансовой стабилизации, становления открытой экономики – ввело в действие механизмы структурной трансформации экономики и общества. Оценки их последствий противоречивы и по большей части негативны: падение производства, рост взаимных неплатежей, увеличение числа убыточных предприятий, социально-экономическое расслоение и т.д. Концептуально общее положение дел можно было определить выводом, сделанным А. Глинчиковой: России вышла «на тот рубеж, когда она особо нуждается в социальном, экономическом и политическом ориентировании. Она напоминает собой путника, который шел в определенном направлении и вдруг оказался в совершенно незнакомой местности – и теперь ему нужно определить, как отличить движение вперед от движения назад, вбок, в сторону, по кругу. Поиск критериев движения вперед, поиск новых социальных координат необыкновенно важен для России»¹. Целью второго этапа рыночных преобразований исследователи и политики называли социально-экономическую модернизацию как преодоление экономического и технологического отставания России от развитых стран. Рассматриваемая в указанном контексте модернизация имеет специфические цели социально-экономического развития и параметры экономической политики.

Если причинами негативных последствий рыночных реформ 90-х гг. прошлого столетия можно считать структурные деформации экономики социалистической эпохи, ошибки экономической политики и, прежде всего, проведение шоковых реформ, чрезмерное влияние на характер процессов в экономике и социальной сфере узкополитической конъюнктуры, то трудности курса на модернизацию связаны с социокультурными и институциональными факторами – особенностями российско-советской системы ценностей, спецификой российской модели экономической культуры, а также с закономерностями функционирования и трансформации общественного сознания. Таким образом, цели и задачи модернизации в качестве нового этапа реформ связаны не только с преодолением концептуальных ошибок прошлого, но и с включением в действие субъективного фактора – целевых ориентиров, мотивов и установок, способных на деле обеспечить устойчивое поступательное развитие российского общества, изменить ситуацию в экономике.

¹ Глинчикова А.Г. Капитализм, социализм, индустриальное общество – к вопросу о соотношении понятий // Вопросы философии. – 2001. – № 9. – С. 36.

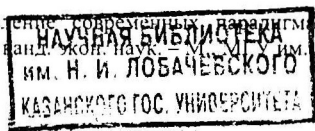
Исследования мирового опыта экономических трансформаций связывают модернизационный потенциал страны с последовательно инновационным подходом к экономическому развитию. Что касается России, то, несмотря на различие ценностных ориентаций социальных групп, население демонстрирует равнодушие к идее развития, большинство людей озабочено проблемами выживания. Но без укоренения ценности социально-экономического развития в сознание граждан в России возможен только ограниченный экономический рост. А перспективы качественного скачка модернизационного развития связаны с необходимостью перестройки общественного сознания в соответствии с идеей развития, становления ценностно-нормативной системы общества, социальных установок и стереотипов, обеспечивающих прогрессивное развитие российского общества.

Обозначенный комплекс обладает огромной инерционностью – легче изменить формальные нормы, принять законы, соответствующие новым социально-экономическим моделям и проектам, чем изменить сознание общества. Но та же инерционность оборачивается и позитивной стороной: если идея модернизации как развития овладеет умами, то она окажется способной изменить вектор трансформации общественной системы, стать тенденцией, увлекающей общество в заданном направлении.

К сожалению, трудности структурной перестройки и содержательного изменения общественного сознания обусловлены тем, что в российском обществе еще не налажена практика проведения регулярных объективных замеров социально-экономических тенденций, складывающихся в стране, и доведения до общественности результатов таких мониторингов, а также институты публичного обсуждения проектов социально-экономических изменений.

Предпринятое нами исследование парадигмально-гносеологических основ экономической теории² касалось проблем разработки действенного теоретического аппарата экономической науки для разработки вопросов социально-экономического развития. В то же время процесс социального конструирования новой общественной реальности требует не только выработки научно-обоснованных проектов модернизации российского общества и, как условия, уточнения методологии социально-экономического теоретизирования, но и анализа закономерностей осуществления социального выбора проекта. С этой целью должны быть изучено влияние экономико-философских идей на представления о нормативном социальном порядке, проведен анализ закономерностей производства и распространения социально-экономических идей, исследовано влияние установок общественного мнения и ценностных структур общественного сознания, специально выделено влияние сложившихся групповых установок и ценностей элит на изменения этих структур. Существенное, если не решающее, воздействие на результаты социального конструирования оказывает умение управлять развитием институционально-правового поля и процес-

² См.: Молчанов К.В. Выводы о современном парадигмально-гносеологических основ политической экономии: Дис. канд. экон. наук. – М.: М.В. Ломоносова, 2003.

сами легитимации проекта социально-экономической модернизации. Таким образом, исследования теорий социально-экономического развития требуют продолжения в области осмысления роли экономической философии в разработке, исторической корректировке и реализации проекта рыночной модернизации современной России.

Выявление диалектики становления экономико-философского знания, как развитие противоречия ценностной и объективно-научной компоненты, относит исследования к области социальной философии, которая является не только рефлексивным познанием, нацеленным на получение объективно-истинного знания об обществе, но и специфической формой общественного сознания – ценностным знанием (отношением) людей к переживаемой и осмысливаемой действительности, в рамках которой социальная философия стремится выстроить систему интенций развития общества.

Степень научной разработанности темы. Проблемы выбора современных цивилизационных ориентиров развития в настоящее время являются областью широкого исследовательского интереса. Этот интерес возник не случайно и опирается на обширную философско-социологическую традицию осмысления процессов социальных изменений. Две группы проблем в этой научной традиции представляют для нас наибольшую теоретическую и методологическую значимость: во-первых, рассмотрение социальных изменений как соотношения сознательности и стихийности, спонтанности и самоорганизации, т.е. возможности выбора социальными субъектами путей и ориентиров общественного развития, во-вторых, существование заданной траектории социального развития или вариативности выбора путей социального развития.

Концепции социального эволюционизма, разрабатываемые в трудах О. Конта, Г. Спенсера и др., осмысливали социальные изменения как часть бесконечного процесса изменения структурных свойств социальных систем, совершенствования социального организма, опирались на логику универсального мироупорядочения. Как и все живое, социальный организм развивается, выполняя формулу эволюции, от однородности к разнородности, от малых сообществ к большему размеру, от слабой связанности к органической зависимости, от менее сложной к более сложной организации. У Г. Спенсера эволюционная идея представлена как тенденция к росту внутренней дифференциации и интеграции органов в рамках трех основных систем социального организма – регулятивной, производящей и распределительной. О. Конт описывает социальное развитие от теологической стадии к позитивной – веку науки и промышленности. Э. Дюркгейм различает современные и традиционные общества и описывает движение от механической солидарности традиционного общества к органической солидарности современного общества, основанного на разделении труда. Для К. Маркса общественное развитие представляет собой стадийное усложнение и поступательное развитие общественно-экономических формаций. Универсализм эволюционного процесса для Т. Парсонса заключается в постепенном усложнении и дифференциации современного общества путем развер-

тивания эволюционных универсалий (система коммуникации, система родства, определенная форма религии, технология и т.д.).

Логика универсального эволюционизма, тем не менее, не означает полный и окончательный отказ от решения проблемы выбора пути социального развития. В наиболее радикальных вариантах эволюционизма социальные изменения разрабатывались как результат абсолютно случайных, слепых сил естественного отбора, выживания наиболее приспособленных форм. Но классические теории эволюционизма предусматривали зависимость прогрессивного развития общества от интеллектуальной эволюции, от развития умственной жизни людей (Дж. Ст. Милль). Психологический эволюционизм Л. Уорда и Ф. Гиддингса настаивал на том, что общество, как организация, является результатом реализации «сознательного плана», в то время как воплощением бессознательной эволюции только отчасти. К. Маркс и Ф. Энгельс, разрабатывая грандиозную концепцию революционного преобразования обществ, не ограничились только ролью объективного фактора, логика и диалектика революционного процесса развития общества включала проблему «превращения общественного сознания в общественную силу»³. В русле марксистской традиции известнейшие ученые-обществоведы, такие как Э. Ильенков, В. Келле, М. Ковальзон, Н. Козлова, В. Лекторский, М. Лифшиц, В. Межуев, Ф. Михайлов, В. Толстых, В. Швырев и др., разрабатывали проблемы общественной природы сознания, форм общественного сознания, диалектику сознательного и стихийного в революционном процессе общественных трансформаций.

В известных теориях зарубежных авторов, исходивших из принципиально иных методологических позиций, таких как Р. Арон, Д. Белл, Р. Бендикс, Э. Берк, М. Вебер, Ч. Джонсон, Р. Коллинз, Г. Лебон, М. Хальбвакс, Л. Хобхаус, А. Токвиль, Т. Парсонс, Дж. Рекс, Л. Стефен, Л. Стоун, Ч. Тилли, К. Фридрих, С. Хантингтон, Ю. Хабермас, Ч. Эллууд и др., в разнообразных исторических соотношениях представлены идеи экономического базиса и ценностного ядра социальной эволюции, детерминизма и стихийности процессов социальных изменений.

Некоторые исследователи считают, что идея развития была чужда массовому сознанию россиян, но в рамках социально-философских концепций существует довольно мощный пласт иных представлений, обоснованных в произведениях А. Богданова, Н. Данилевского, М. Ковалевского, П. Лаврова, Л. Мечникова, П. Струве и др. Особое место в российской социально-философской мысли заняло обоснование социальной революции и классовой борьбы в работах Г. Плеханова и В. Ленина. Анализ последствий революционного преобразования российского общества и альтернатив октябрьскому варианту общественно-исторического развития предложили Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Сорокин и др.

В силу исторических обстоятельств марксизм превратился на некоторое время в доминирующее социально-философское учение, определив безальтернативность путей социально-экономического развития России. Усилия ученых были направлены на обоснование формационной концепции социального раз-

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 198.

вития – от бесклассовой первобытно-общинной формации через классовые общества к коммунистической формации.

Но столь же односторонне смотрели на социально-экономическое развитие и западные теоретики. Ими была принята веберовская концепция капитализма как универсальная схема развития. Универсализм данной схемы подчеркивал Т. Парсонс, утверждая необходимость принятия западного капитализма в качестве образца для всех сообществ. Веберовская схема определила модель развития, как преобразования традиционных обществ в современные. И хотя Вебер писал об уникальности социокультурной ситуации Западной Европы, обусловившей развитие западноевропейского капитализма, модернизация стала рассматриваться как европеизация или вестернизация. В рамках такого подхода появилось большое количество социологических, экономических, политологических работ, направленных на обоснование косности национальных традиций, ответственных за резистентность общества, за его сопротивляемость западному развитию. Эмпирические исследования по транзитологии обнаружили разнообразие переходных обществ, их внутреннюю динамику и высокую степень социальной дифференциации, которую невозможно объяснить, оставаясь в рамках веберовской дихотомии традиции и современности.

В 70-х гг. XX в. появились исследования Ш. Эйзенштадта, в которых он заявил о необходимости отказаться от однолинейной модели модернизации как уподобления западному образцу. Ш. Эйзенштадту удалось обосновать модель многомерной модернизации и учесть различные стороны изменения характера обществ в ходе их социально-экономической модернизации.

В трудах таких авторов, как Р. Пандей, Дж. Джермани, Дж. Коулмен, Дж. Фостер, С. Хантингтон и др., также содержится критика западоцентризма в теориях модернизации. В их работах были созданы теоретико-методологические основания для изучения концептуальных особенностей и возможностей модернизационного развития, отличного от западноевропейского и возможного для российского общества.

Идеей, предложенной диссертантом, выступает представление о модернизации, как о «вызове», на который каждое общество дает «ответ» в соответствии с собственной программой социокультурного развития.

В связи с постановкой проблемы выбора модернизационного проекта российского общества следует отметить огромное число исследований, включающих как общую постановку теоретико-методологических проблем модернизации, так и посвященных частным вопросам ее осуществления. Б. Ерасов, И. Кравченко, Н. Зарубина, Ю. Шерковин и др. рассматривают проблемы теоретико-методологического характера. В работах таких авторов, как Л. Беляева, М. Горшков, Т. Заславская, А. Здравомыслов, Н. Лапин, В. Левашов, Л. Дробичева, В. Ядов, Т. Малева, Н. Тихонова, Ф. Шерега и др., представлены результаты исследования трансформации российского общества в контексте его социокультурной модернизации, развития ценностно-нормативной базы. Следует отметить наличие широкомасштабных и весьма репрезентативных социологи-

ческих исследований модернизации социально-трудовой сферы российского общества в работах В. Гимпельсона, И. Бушмарина, Г. Зушиной, О. Исуповой, Р. Капельюшниковой, О. Кириченко, П. Кудюкина, А. Прохорова, Б. Тукумцева, Н. Шаталовой и др. Все эти исследования интересны и информативны в рамках заявленной авторами проблематики, но ни одно из них не дает полной картины процесса осмысления российским обществом собственного модернизационного проекта, условий и факторов его конструирования, коррекции и легитимации.

Проблемы и трудности социально-экономического реформирования, концептуальные ошибки, утрата государством лидирующих позиций в субъектном поле реформ актуализировали проблемы и разработки экономической политики, закономерностям и особенностям которой в российском обществе посвящены исследования И. Албеговой, А. Белоусова, А. Бузгалина, Ю. Винслава, А. Волосатова, Р. Евстигнеева, Л. Евстигнеевой, Р. Емцова, М. Ершова, А. Зудина, В. Исправникова, В. Ишаева, Р. Капельюшниковой, А. Колганова, В. Куликова, В. Лисина, В. Мау, А. Некипелова, А. Нестеренко, Ю. Ольсевича, С. Перегудова, И. Семененко, Л. Резникова, В. Роик, Р. Рывкиной, Л. Сморгунова, К. Холодковского и др. Но при этом вопросы политической инструментализации основных концептуальных идей модернизационного проекта и ряд других, обсуждаемых ниже, не получили должного освещения.

Таким образом, вопросы осмысления, обоснования и выбора модернизационного проекта развития России, на наш взгляд, до сих пор не исследованы системно и содержательно, представляют собой крупную научную проблему, решение которой важно и в гносеологическом, и в практическом разрезе.

Поиски системной методологии привели к необходимости выделения особого комплекса идей, мыслей, представлений, установок, взглядов, направленных на осмысление специфической сферы экономической жизни общества – экономической философии. Экономическая философия и философия хозяйства получили довольно глубокое обоснование в произведениях С. Булгакова, А. Богданова, Н. Бердяева, П. Сорокина, Н. Кондратьева, В. Вернадского и других русских мыслителей. В 1990 г. российскую традицию экономико-философского анализа продолжила работа Ю. Осипова «Опыт философии хозяйства», а с 1999 г., после выхода в свет первого номера журнала «Философия хозяйства», публичное обсуждение проблематики стало регулярным. Работы таких авторов, как Ю. Осипов, С. Кара-Мурза, С. Макаров и др., позволили предположить, что особенности становления экономической философии и закономерности функционирования ее, как формы общественного сознания, определяют механизмы создания, выбор, корректировку и реализацию модернизационного проекта реформируемым обществом. Из этого предположения следует цель нашего исследования.

Цель диссертационного исследования – проанализировать процесс формирования в обществе представлений о путях социально-экономического развития и выявить роль экономической философии при осмыслении и осуществлении выбора модернизационного проекта развития российского общества.

Для реализации заявленной цели, как нам представляется, необходимо решить следующие **задачи**:

- рассмотреть содержание и возможности экономической философии и выявить особенности экономико-философского осмысления общественного бытия, философского осмысления экономической сферы жизни общества;
- выявить механизмы и условия трансформации экономико-философских идей в целевой конструкт общественных преобразований;
- охарактеризовать эвристические преимущества экономической философии в анализе модернизационного проекта социально-экономического реформирования;
- определить методологические принципы реконструкции современного экономико-философского рассмотрения российского общества и обоснования выбора модернизационного проекта развития России;
- рассмотреть тенденции развития институциональной системы рыночного общества в России и выявить диалектику стихийности и сознательности институционального строительства; показать связь экономических идей, ценностей и социальных идеалов в экономико-философских концепциях, выступающих основой создания трансформационных проектов;
- рассмотреть политические, экономические и социокультурные факторы выбора пути модернизационного развития и выявить возможность его теоретико-методологической модели;
- выявить актуальные механизмы политического воплощения проекта: рассмотреть способы социальной апологетики модернизационного проекта;
- установить механизмы политизации экономико-философских идей в модернизационном проекте и выявить политические инструменты реализации и корректировки модернизационного проекта, выявить способы политической адаптации проекта к состоянию политико-экономического сознания населения;
- установить влияние экономического сознания политических элит на формирование и коррекцию модернизационного проекта российского общества;
- выявить динамику установок общественного мнения и ценностных структур сознания российского населения в ходе реализации рыночных реформ;
- рассмотреть воздействие общественного мнения на ход и результаты институциональной трансформации российского общества в 90-х г. XX в.;
- выявить закономерности управления процессами легитимации проектов социально-экономической модернизации в России, рассмотреть технологии изменения структур общественного экономического сознания в ходе реформ.

Объект исследования – экономическая философия, как форма общественного сознания, политические и экономические субъекты, институциональные организации и их деятельность по производству, разработке и реализации модернизационного проекта развития российского общества.

Предмет исследования – процессы производства и распространения социальных идей, взаимодействия основных социально-экономических субъектов по поводу производства и реализации модернизационного проекта социально-экономического развития страны.

Теоретико-методологической основой диссертации стали работы отечественных и зарубежных ученых: социологов, философов, экономистов, изучавших процессы модернизационных изменений. Диссертационное исследование в своем комплексе проведено на основе диалектического подхода и применения историко-аксиологического метода.

Социальные исследования в философии всегда выражали оценки действительности своего времени. Платон и Аристотель решали вопросы тождества общего и частного в условиях общежития людей, его оптимизации, предлагали образ идеального государства. Средневековая философия строилась в русле христианского мировоззрения, определяла пути следования заповедям. Философы Нового времени определяли то, что люди руководствуются собственными выгодами, а, объединяясь в общество, обращаются к общественным делам. В философии XIX в. утверждается идея могущества человеческого разума. Современные социально-философские исследования пытаются понять и объяснить подлинный смысл бытия человека в условиях глобальных противоречивых проблем.

В настоящем диссертационном исследовании не только проанализированы и обобщены объективно-научные знания и ценностные компоненты указанных исследований, но и 1) для достижения поставленных целей осуществлено соответствующее дополнение позиций социально-философских исследований XIX и XX вв. исследованиями общественно-социальной мысли России XIX в. (А. Герцен, В. Белинский, Н. Чернышевский, народники и др.) и ценностных аспектов социального мышления советского периода, в том числе возникавших уже тогда частнособственных идей и подходов; 2) осуществлено решительное отмежевание от современного, модного на Западе постмодернизма (Ж. Лиотар, Ж. Делез, Ф. Гваттари, М. Серж, Ж. Деррида, Р. Рорти и др.), т.е. не только исключены гиперкультурализм, ревалоризация исторического и культурного богатства и многообразия, отказ от иерархии ценностей и достижений мировых культур и философских учений, подход на основе субъектности индивидов, признание знаково-символических картин мира, но и совершенно обращение к классической философии, анализу объективной реальности, учету ценностных предпочтений и установок общественного и индивидуального мнений, а также, в частности, достигнуто понимание необходимости реконструкции многомерного аксиологического пространства, в первую очередь, как фактора при осуществлении модернизационного выбора.

Обращение к огромному массиву литературы по истории экономической и социально-политической мысли (начиная от Платона и Аристотеля) составило теоретическую базу авторских выводов и обобщений. Следует отметить содержательное и методологическое значение основных положений эконо-

мической философии и философии хозяйства, изложенных в работах Ю. Осипова и др. представителей современной российской школы философии хозяйства, положения институциональной теории, теории модернизации, теории групп интересов и функциональных группировок в политике, теории элит. Методологической основой рассмотрения институциональных аспектов реализации модернизационного проекта стали также работы известных институционалистов Д. Норта, С. Кирдиной, А. Олейника и др.

Формирование методологии исследования происходило на основе использования как базовых философских положений, так и вновь сформулированных в современных диалектических исследованиях. Новейшие диалектические разработки позволяют обосновать смещение методологии исследований и осмысления окружающей действительности от экономического подхода, разработанного Г. Беккером⁴, к диалектическому подходу, который пополнился в последнее время, благодаря соответствующим философским исследованиям и ряду новых методов⁵. А преимущество диалектического подхода перед экономическим и иными функциональными подходами доказано в ряде наших работ⁶.

Эмпирической базой для авторских оценок и обобщений выступают результаты прикладных социологических исследований, проведенных Центром изучения общественного мнения ИС АН СССР, Всероссийским центром изучения общественного мнения, Институтом социологии РАН, Институтом экономики РАН, Институтом комплексных социальных исследований РАН (ИКСИ РАН), Академией труда и социальных отношений, Институтом социально-политических исследований РАН, Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (РНИСиНП). Центром социологических исследований МГУ, фондом «Общественное мнение» и т.д.

Новизна предлагаемого исследования заключается в следующем:

- установлено, что предметное поле, методологические особенности и теоретико-методологические возможности экономической философии выступают в качестве современного инструмента социальной философии и позволяют заявить о возможности и необходимости создания собственного модернизационного проекта для России в начале XXI века;

- экономическая философия на современном этапе ее развития рассмотрена как особая форма общественного сознания; обосновано, что метанаучность современной экономической философии состоит в ее обращении к ценностному осмыслению бытия, а ее научность определяется восстановлением диалектического подхода на методологическом и парадигмальном уровнях;

⁴ Becker G.S. The Economic Approach to Human Behavior. Chicago, 1976.

⁵ См., напр.: Молчанов К.В. Философия. Диалектическая философия. Новейшая философия // Философские исследования. 2007. – № 1; Молчанов К.В. К вопросу о структурности методов диалектической философии // Философские исследования. 2007. – № 3-4.

⁶ См., напр.: Молчанов К.В. Новый подход. Предопределенность современного рассмотрения политической экономии. – М., 2001.

- выявлен и обоснован эвристический потенциал историко-аксиологического подхода к анализу экономико-философских идей модернизационного проектирования в России;

- доказана необходимость реконструкции многомерного аксиопространства российского общества для осуществления модернизационного выбора;

- модернизационный выбор России рассмотрен как диалектика спонтанных социально-экономических изменений и сознательного конструирования проекта модернизационного развития; реализован диалоговый подход в обосновании процесса модернизационного выбора через становление многосубъектности экономической философии; раскрыто диалектическое единство экономико-научного знания, ценностной компоненты общественного сознания и социально-классовых идеалов в рамках экономической философии как предметного поля конструирования модернизационного проекта;

- установлено, что социально-философское рассмотрение модернизационного проекта развития России возможно на основе трехкомпонентной теоретико-методологической модели, учитывающей единство и взаимную обусловленность условий и положений российской реальности, современной экономической философии и модернизационного проекта;

- установлено, что механизм воплощения модернизационного проекта включает убедительное социальное обоснование и апологию его положений;

- выявлены особенности российской политико-партийной инструментализации экономико-философских идей, включая амбивалентность политической маркировки партий, индоктринальную модификацию идеологических программ, кросс-партийные ценностные воззрения избирателей, рассогласования идеологических представлений электората и экономических программ партий;

- определены особенности российской элиты и рассмотрены этапы и перспективы институциональных изменений российского общества как развитие диалога российских элит и населения;

- доказана необходимость совершенствования институциональных механизмов в целях общественного обсуждения модернизационных идей и новых идейных проектов и для управления процессами модернизации общества;

- обоснована необходимость развития института общественного мнения как фактора осуществления населением сознательно выбора модернизационного проекта и институционализации процедур корректировки проекта;

- рассмотрены и охарактеризованы процессы трансформации экономического сознания россиян в ходе развития и реализации модернизационного проекта; обоснована возможность сближения модального и нормативного по мере развития рыночных реформ и коррекции модернизационного проекта в ходе его легитимации.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Модернизационное развитие России выступает целью нового этапа социально-экономических реформ. Но этот путь развития не определяет будущ-

ность страны с абсолютной неизбежностью объективно-спонтанного движения, он всего лишь «возможен», «потенциален» для России. Результат зависит от целенаправленных, сознательных усилий всего общества по реализации определенного проекта социально-экономического развития. Одним из наиболее крупноформатных проектов, предлагаемых к реализации в России, является включение в универсальное сообщество, основанное на принципах свободы личности, демократии и либерализма, научного и культурного прогресса, повсеместного распространения частной собственности и рыночной модели экономики. Социальная история современности представляет собой становление и поэтапное воплощение этого проекта, кризисы его реализации, борьбу за его принципы, отказ от тех или иных его положений. Реализация данного проекта получила название модернизации. Но эта модель не является унифицированной, однозначной в своем применении, пригодной для реализации в любой стране. Современные экономико-философские исследования позволяют специфицировать модернизационный проект с учетом идейных, аксиологических, ценностно-нормативных структур и компонентов общественного сознания и заявить о возможности и необходимости создания собственного модернизационного проекта для России в начале XXI в.

2. Экономическая философия представляет собой область осмысления экономической жизни общества, хозяйственной деятельности человека. Экономическая философия на современном этапе ее развития рассмотрена как особая форма общественного сознания, представляет собой отношение к жизни в рамках существующей картины мира, доминирующих в обществе норм, традиций, ценностей, предрассудков, или альтернативных моделей. Метанаучность экономической философии на современном этапе ее развития – в ее обращении к ценностному осмыслению бытия, научность – в восстановлении диалектического подхода на методологическом и парадигмальном уровнях. Содержательный комплекс экономической философии – это природа, основания, закономерности, процессы, исторические тенденции хозяйства и экономики, а система ее понятий выступает как особые коды, которые дают ключ к пониманию экономической (хозяйственной) жизни, задают способы ориентации среди многообразных явлений, процессов, способствуют осознанию многообразных проявлений общественной жизни.

3. Обоснован эвристический потенциал историко-аксиологического подхода к анализу идей модернизационного проектирования в России, а вытекающий из него метод есть развитие и конкретизация феноменологического способа Гегеля в плоскости социальной философии и аксиологии. Этот метод анализа проблемы с учетом индивидуальных сознаний и мотиваций, а также закономерностей и факторов изменения окружающего мира служит для выявления ретроспективы философско-экономических и аксиологических аспектов проблем с целью проектирования общественного развития. Историко-аксиологический метод предназначен для исследования обобщенных и устойчивых представлений о предпочитаемых материальных и духовных благах как

обобщенных общественных образах и личностных представлениях, характерных для конкретных эпох, а также для анализа их изменений и тенденций развития. Одним из вариантов анализа исторической практики и определения основ нового проекта является рассмотрение на основе историко-аксиологического метода исторической ситуации в контексте побудительных причин поведения социальных субъектов, которые изучаются как диалектическое единичное, и формирования благодаря резонансу их действий новой общественной практики, новых общих проектных идей социально-экономического развития.

4. Экономико-философское обоснование выбора модернизационного проекта развития России требует конструирования аксиопространства на основе многомерной реконструкции понятия «ценность». Методологический принцип реконструкции – конструирование общего пространства разных определений, как диалога ценностей. Обозначенное и маркированное оппозициями аксиологическое пространство обнаруживает свою многомерность и позволяет существовать различным способам ценностной интерпретации. Через оппозиции ценностных определений возможно показать укорененность многих экономико-философских положений в аксиосфере, а также оформление экономико-философского дискурса как формирование ценностных оснований социального конструирования новой общественной реальности. Проекция на социально-политическую реальность устанавливает связи некоей ценностной системы, как формы должного в экономической деятельности, и требований социально-политической организации, как идеала социально-политического устройства (либерального, коммунитарного, социалистического и т.д.).

5. Модернизация, как цель и вариант развития, есть выбор модели нормативного порядка, который будет положен в основу проекта социально-экономического реформирования. Реальный нормативный порядок складывается спонтанно в процессе повседневных бытовых и деловых взаимодействий. Нормативный порядок как целевой конструкт общественных преобразований является результатом научного производства, идеологической борьбы и философских штудий. Точность, непротиворечивость, свобода от ценностных суждений, объективная предметность определяют конкурентоспособность этой формы знания о мире, преимущества науки перед любыми другими. Преимущества идейного фактора – в ясном осознании цели преобразований и корреляции с социально-классовым идеалом как проекцией социальных интересов. Взятая в историческом периоде ни одна из этих форм не имела значительного преимущества в общественном сознании. Динамика предпочтений носила волнообразный характер и связывалась с недиалектической абсолютизацией одной из форм. Анализ процессов социальной конкуренции научных и идейных социально-философских воззрений показал, что на протяжении последних столетий явственно прослеживается тенденция – элиминация аксиологического мотива теоретического обоснования, стремление строить аргументацию по принципу свободы от ценностных суждений с последующей идеологизацией результатов. Экономическая философия выступает инструментом снятия указанного противоречия, в процессе философско-экономического теоретизирования происходит

не только конструирование социально-экономического идеала, но и вырабатываются оценочные критерии для выявления степени соответствия реальных действий экономических агентов идеальным экономическим системам, а также возможные пути достижения идеала на практике и практические рекомендации для оптимального достижения целей, определяемых идеалом.

6. Успех проведения модернизационного проекта связан с учетом и реализацией многих факторов политического, экономического и социокультурного характера в их взаимодействии. Социально-философское рассмотрение факторов модернизационного развития и выбора проекта развития России возможно на основе трехкомпонентной теоретико-методологической модели конструирования выбора пути модернизационного развития России, учитывающей единство и взаимную обусловленность условий и положений 1) российской реальности, 2) современной экономической философии и 3) модернизационного проекта.

7. Механизм политического воплощения проекта включает убедительное социальное обоснование и апологию его положений, их партийно-политическую идентификацию и инструментализацию и выработку механизмов включения в политическую работу экономически и политически сильных групп. В рамках экономической философии разрабатываются такие способы социальной апологии модернизационного проекта как обращение к идее всеобщего блага, к признаваемому данной группой или всем обществом социальному или нравственному идеалу, подчеркивание объективизма (а иногда и ссылки на телеологизм) исторического процесса, указание на соответствие «магистральному» пути развития или же акцентирование национальной самобытности, указание на прогрессивный класс, выступающий движущей силой и источником преобразований, мотивация сострадания и указание на необходимость решения проблем бедствующего слоя, класса, группы или всего общества и др.

8. Процесс политической инструментализации экономико-философских идей включает превращение их в идеологическую доктрину и экономическую платформу политической партии – основного организующего фактора современной политики и основной формы связи между гражданским обществом, где происходит обсуждение идей, и правительственными институтами, ответственными за реализацию экономической политики. Особенности российской политико-партийной инструментализации в начале XXI в. следующие: путаница и полный произвол политической маркировки партий, произвольные, не обусловленные доктринально модификации идеологических программ современных российских партий, отход от доктринального самоопределения партии, кросс-партийные ценностные воззрения избирателей, превращение партий в структурно-функциональное образование, существование рассогласования между идеологическими представлениями электората и экономическими программами партий, устойчивость двухвекторности партийной идеологии (к социализму и к капитализму) и тяготение к вертикальному взаимодействию с государственными структурами и т.д.

9. Преобладание мобилизационных методов и механизмов управления российским государством определяет такую особенность российской элиты, как ее политизированность, тяготение к авторитаризму, абсолютизация собственных интересов, неспособность достичь внутреннего согласия по основным вопросам экономической политики. Указанные особенности обусловили слабость «субъектных» характеристик российской элиты: отсутствие стремления к производству и защите собственного модернизационного проекта, готовность следовать решениям сильной фигуры, отказ от публичной политики, основанной на прозрачных правилах и процедурах, и от политической конкуренции проектов экономического развития, перенос ответственности на Президента, политико-административный центр российского общества.

10. Проблемой институционального обеспечения модернизации развития России является следующее. Во-первых, за время реформ не созданы институциональные формы общественного обсуждения философско-экономических идей, как целевого конструкта общественных преобразований, в результате – политизация и сведение участия в институциональном строительстве только к партийным формам, идейно-идентификационных установок партий – к личности лидера, а деятельности партий – к участию в выборах. Во-вторых, существует слабая зависимость процесса и результатов институционального строительства от общественного мнения, большее значение имеет способность узких групп реализовывать собственные интересы. В-третьих, сформировались институциональные модели, не предполагающие выдвижение и обсуждение новых идейных проектов, ориентированных на реализацию политико-экономических установок властвующего субъекта.

11. Когнитивная компонента успешной социально-экономической стереотипизации требует рационального обсуждения идей, а также организационного пространства. Наиболее адекватные формы общественного обсуждения представляет гражданское общество. Общественный выбор обеспечивается таким институтом гражданского общества, как общественное мнение. Этот институт гарантирует стабильное функционирование механизма перманентного реагирования на социально значимые проблемы и формирования устойчивых, адекватно отражающих социально-экономические и политические условия деятельности, стереотипов. Механизм этот заключается в формировании оценок и вынесении суждений по социально-значимым проблемам заинтересованными слоями населения, а также в коррекции социального поведения различных слоев общества. При определенных условиях общественное мнение способно стать институциональным методом как формирования целей, выработки программ, диагностики общественных трансформаций и корректировки реформирующего воздействия, так и когнитивного элемента трансформации социально-экономических стереотипов общества. Условием является становление организационных форм общественного обсуждения и участия.

12. Кризис легитимации модернизационного проекта связан с существованием люфта между нормативным и модальным уровнем модернизационного

проекта. Расхождения между модальным и нормативным уровнем определяется не столько социокультурными традициями двоемыслия, сколько кризисом социальных ожиданий в процессе рыночной адаптации. Принятие нормативного порядка обществом обозначает организацию взаимодействий индивидов и групп, которые ориентируются на общие нормы и правила и ожидают, что их потребности и интересы будут удовлетворены в рамках этих правил и норм. Формирование нормативного порядка, отличающегося от модального – приспособительная реакция в неблагоприятных условиях рыночной адаптации, определяется возможностью сближения модального и нормативного по мере развития рыночных реформ и коррекции модернизационного проекта в ходе его легитимации.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что полученные результаты и выводы расширяют научные представления о характере и направленности современных трансформационных процессов и могут быть использованы для решения теоретических и практических проблем социально-экономического реформирования российского общества, для разработки социальных программ и направлений социально-экономической политики, т.е. собственного модернизационного проекта развития страны, а также в процессе преподавания по курсам «Социальная философия» и «Экономическая философия».

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования докладывались и обсуждались на научно-теоретических конференциях и Круглых столах международного, всероссийского и внутривузовского уровней, в том числе на таких как «Новый мир и новая имперскость» (МГУ им. М.В. Ломоносова, 1-3 дек. 2004 г.) и «Инновационное развитие России: национальные задачи и мировые тенденции» (МГУ им. М.В. Ломоносова, 23-25 апр. 2008 г.), а также на Малых университетских форумах в МГУ им. М.В. Ломоносова, организованных при поддержке Совета Федерации Федерального Собрания РФ (напр., «Глобальное и национальное в экономике», МГУ им. М.В. Ломоносова, 25-27 февраля 2004).

Базовые и структурные положения диссертации приняты к сведению для использования в работе Управления Президента Российской Федерации по внутренней политике.

Основное содержание и выводы диссертации опубликованы в восьми монографиях, трех брошюрах, 29 статьях, в т.ч. в 7 рецензируемых научных журналах Перечня ВАК. Общий объем публикаций составил 93,9 п.л.

Структура работы подчинена цели и задачам исследования и включает введение, пять глав, заключение и список литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы диссертационного исследования, охарактеризована степень научной разработанности проблемы, сформулированы цель и задачи работы, его новизна, основные авторские выводы и практическая значимость, представлены основные положения, выносимые на защиту.

В главе I «Экономическая философия как форма обоснования выбора современных цивилизационных ориентиров развития» выявлены особенности экономико-философского осмысления экономической сферы жизни общества, очерчено содержание экономической философии.

1.1. Концептуальный статус экономической философии и ее социальная субъектность. Автор считает, что четкого научного определения экономической философии не было выработано до сих пор, различаются также трактовки ее содержания и статуса. Попытки доказать самостоятельный статус экономической философии, как научной дисциплины, включают как выделение особой предметной области, не относящейся ни к философии, ни к экономической теории, так и создание синтетической дисциплины путем сплавления достижений различных наук в единую картину экономической жизни. Поиск предметного содержания экономической философии осуществлялся преимущественно на пути определения способов взаимодействия экономической теории и философии, что объясняется особенностями возникновения и функционирования как философии, так и экономической теории.

Исторически экономические и экономико-философские идеи вызревали в рамках философского знания и представляли собой первоначальное единство философского осмысления хозяйственной деятельности (тезис). Самостоятельное существование экономической теории, первоначально в виде политэкономии, а затем все более специализированного экономического знания – антитезис первоначальному философско-экономическому единству. Распространение экономизма практически на все сферы человеческой жизнедеятельности – одна из неудачных попыток восстановления философского синтеза, прежде всего, на уровне научной методологии. Другой попыткой в связи с необходимостью современного уточнения представлений о социально-экономическом развитии является выделение самостоятельной науки – экономической философии, когда возврат к философии осуществляется, прежде всего, на методологическом и парадигмальном уровнях.

В теориях буржуазной политической экономии и современной западной экономической науки, о чем говорилось, например, в работах цикла политэкономических очерков⁷, закономерности развития игнорировались. В результате экономическая наука столкнулась с негативами развития экономики, которые не смогла осмыслить в рамках существующих в ее арсенале методов и гносеологических парадигм. Так, оказалось, что унификация во всемирном масштабе принципов хозяйствования не приводит к всеобъемлющему экономическому развитию, повышению стабильности и формированию долговременных устойчивых тенденций. Развитие рыночных отношений не приводит к триумфу капитализма. Наоборот, социально-экономический комплекс, определенный Дж. Соросом как

⁷ Молчанов К.В. Политическая экономия и экономическая наука. Ч. 1. Современная политическая экономия: новая общественная формация и прибавочная стоимость в ее диалектическом развитии. – М., 2001; Он же. Новый подход. Предопределенность современного рассмотрения политической экономии. – М., 2001.

рыночный фундаментализм, приводит к негативным общемировым экономическим тенденциям. Существенные изменения в капиталистическом хозяйстве и обществе определяют возможность грядущих потрясений в мировой капиталистической системе, таким как усиление зависимости, в том числе развитых капиталистических стран от наиболее развитых государств, исчезновение основы развития капитализма и появление *организуемого*, в том числе внешне организуемого, рынка, что является противоречием непосредственно самого капиталистического способа производства, снижение потенциала движущих сил развития капитализма и т.д.

Исключение анализа закономерностей развития из арсенала средств большинства экономических концепций не позволяет им исследовать в полном объеме объективные причины антагонизмов и негативных тенденций современной экономики, а также выявить пути по уменьшению их проявления. Таким образом, реально проистекающие общественно-экономические процессы провоцируют возврат к диалектическому подходу как философско-методологическому основанию современной экономической науки.

Современная наука пытается восполнить данный теоретико-методологический пробел. В диссертации рассмотрены варианты конструирования предмета современной экономической философии и философии хозяйства. Автор считает, что содержание экономической философии следует искать в области интегрального целостного отношения к хозяйству.

Экономическая философия в качестве формы общественного сознания представляет собой определенный уровень духовной активности человека как социального существа, что с неизбежностью ставит вопрос о ее социальной субъектности. Многосубъектность объясняется множеством денотатов философского понятия «субъект» и его диспозиционностью, способностью обозначать различных конкретных носителей активности. Таким образом, определяя социальную субъектность экономической философии, следует учитывать не только носителей основных идей, взглядов, представлений, но и существование продуцентов отдельных положений или целостных философско-экономических концепций (чаще всего персонифицированных), распространителей философско-экономических идей и пользователей этой продукции в научном, административно-государственном, партийно-политическом и экономическом мирах. Функции продуцентов, пользователей, распространителей выполняют особые группы людей, отличающиеся от основной массы населения, которая выступает потребителем адаптированной к массовому потреблению идейной продукции. Именно поэтому особую роль в осмыслении и исследовании выбора модернизационного проекта играет изучение действий таких социальных субъектов, как научное сообщество (философы, политологи, экономисты), политическая и бизнес-элита, политехнологи и т.д.

1.2. Аксиологическое измерение экономической философии и ее социально-политическая проекция. Как форма общественного сознания, экономическая философия включает аксиологический аспект, в котором выражают-

ся избирательность сознания субъекта, его ориентация на выработанные обществом ценности – ориентиры и программы социально-экономического поведения. В диссертации показано, что экономическая наука не могла избежать аксиологических вопросов, приводятся примеры создания как успешных объяснительных моделей на основе построения аксиологической перспективы, так и несостоявшихся, утопических проектов. Так, например, в теории Мальтуса именно моральное обуздание выступает фактором сдерживания зла, которое без этой добродетели становится неизбежным следствием действия законов природы и экономики. Моральные рекомендации Мальтуса, хотя и выдержанные в добродетельном духе, противоречили реальным поведенческим стереотипам и социальным установкам, что и вызывало откровенное неприятие учения. Веберовские теории, механически переносимые на российскую (или иную) почву, порождали проведение прямых аналогий относительно капиталистического выбора развития страны. Так, результатом применения и развития веберовских идей о культурной, ценностной обусловленности экономического поведения к российским реалиям явилось сожаление о несостоявшемся в России предпринимательском перевороте купцов-старообрядцев и антипредпринимательской природе русской души.

Представляя ценностное отношение, как один из аспектов реализации целостной человеческой деятельности, автор доказывает необходимость изучения экономической реальности в аксиологической проекции и возможность экономической философии сосредоточиться на аксиологических аспектах интерпретации хозяйственной деятельности человека.

Чрезвычайно продуктивными для экономической философии в плане выявления социально-политических условий выбора модернизационного проекта являются попытки многомерной реконструкции понятия «ценность», которые можно рассматривать как реализацию диалогового подхода. Во-первых, в этом случае не требуется отбор и обоснование единственного варианта понимания природы ценностей, во-вторых, только таким образом возможно построение более или менее целостного аксиологического пространства деятельности, и, в-третьих, составляя общее пространство разных определений, можно увидеть за разными экономическими и социально-политическими взглядами проекции ценностного сознания.

Проекция ценностного отношения на социально-политическую реальность устанавливает связи некоей ценностной системы, как формы должного в экономической деятельности, и требований социально-политической организации. Так, слияние представлений об абсолютной ценности экономической и политической свободы способствовало оформлению в середине XIX в. единого культа либерализма, для которого аксиомой является представление о том, что спонтанные действия индивидов – главный источник предприимчивости, воображения, творчества, инициативности и, в конечном счете, экономического развития. Точно так же в форме некоторого идеала социально-политического устройства объективируются и другие ценностные модели экономической деятельности (коммунитарные, социалистические и т.д.).

Поэтому требуется установление связи экономических идей и социальных идеалов в экономико-философских концепциях, а также механизма трансформации идей в идеал.

1.3. Связь экономических идей и социальных идеалов в экономико-философских концепциях. В параграфе обосновывается выполнение социальными идеалами функции селекции экономических идей и функции регуляции экономической деятельности.

Конструирование идеала предполагает наличие представлений о предельной сущности мира, соответственно которым формируются идеальные модели мира и представления о нем, из которых выводятся практико-поведенческие рекомендации. Другая сторона идеализации связана с политико-экономической реализацией концепций, для чего требуется не столько объективно-истинное представление о мире, сколько проекция желаемого на социальное устройство. Такая проекция, социальный идеал, выступает опорой, конструктивной рамкой социально-политического и социально-экономического конструирования, а также мотивирующим фактором, движущей силой преобразовательной активности. Другими словами, идеализация мира включает как представления о его сущности, так и представления о том, каким мир должен быть согласно нашим желаниям.

Содержательное описание идеала совпадает с системой ценностей. Например, справедливость, эффективность, координация, кооперация, свобода и т.д. – ценности, составляющие содержание общественного идеала. Деятельностный подход позволяет разграничить идеалы соответственно сферам деятельности и обозначить их единство как социальный идеал, включающий все аспекты человеческого существования и деятельности. Рассмотрев механизмы переплетения символических и организационных основ социальной деятельности в интерпретации Ш. Эйзенштадта⁸, можно сформулировать следующие позиции структуры идеала в экономической сфере:

- установление смысла и цели экономической деятельности;
- определение значимости экономической сферы для социальной общности, для решения политических задач, для обеспечения индивидуального или общественного благосостояния;
- ценностное обоснование прав на экономические ресурсы;
- установление порядка контроля над использованием ресурсов;
- определение некоторых видов экономической деятельности как особого общественного призвания и средоточия целей социального развития (в разные исторические эпохи носителями экономического социального идеала были крестьяне, рабочие, предприниматели и др.);
- определение идеала через религиозные аспекты и через формирование ограничений на доступ к этой деятельности (такие ограничения особенно очевидны в занятиях, затрагивающих витальные, символические аспекты жизни – будь это аспект смерти, права или религии).

⁸ *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М., 1999. – С. 77.

В работе анализируются механизм и процедуры конструирования социального идеала. Рассмотрен пример нормативного подхода, обусловленного социальным идеалом христианства в экономико-философской концепции Фомы Аквинского, а также изменение экономико-философских концепций в зависимости от трансформации социального идеала. Рассмотрено доминирование в сознании новоевропейского человека деятельностного начала, устремлений к аналитическому познанию и преобразованию реальности на основе полученных о ней знаний способствовало проявлению тенденции трансформации социальных идеалов в социальный проект. На примере модели «экономического человека» демонстрируется трансформация научной идеализации объекта в социальный идеал, а социального идеала в нормативную конструкцию – норму поведения и нормативный элемент теории. Показано, что идеалы не исчезают из сознания, определяя рамки и схемы обсуждения социальных идей, но оборачиваются к обществу практически-преобразовательной стороной в форме проекта.

К настоящему времени сложился своеобразный механизм управления жизнью общества, включающий в себя различные проектные структуры. Проектность становится функцией управления обществом, а в XX веке приобретает вид глобальных социокультурных, социально-экономических и политических проектов, одним из которых явился модернизационный проект.

Выводы, полученные в I главе:

1. Экономическая философия, как особая форма общественного сознания, представляет собой отношение к экономической жизнедеятельности общества в рамках существующей картины мира, доминирующих в обществе норм, традиций, предрассудков или альтернативных моделей.

2. Содержательный комплекс экономической философии – это природа, основания, закономерности, процессы, исторические тенденции хозяйства и экономики. Метанаучность экономической философии – в ее обращении к ценностному осмыслению бытия. Научность – в восстановлении диалектического подхода на методологическом и парадигмальном уровнях.

3. Система философско-экономических понятий выступает как особые коды, которые дают ключ к пониманию экономической (хозяйственной) жизни, задают способы ориентации среди многообразных явлений, процессов, способствуют осознанию многообразных проявлений общественной жизни.

4. Экономико-философское рассмотрение реальности осуществляется также и в аксиологической проекции. Обозначенное и маркированное оппозициями аксиологическое пространство обнаруживает свою многомерность и позволяет существовать различным способам ценностной интерпретации.

5. Реконструкция многомерности ценностного пространства позволяет установить укорененность большинства экономико-философских положений в аксиосфере, а также показать оформление экономико-философского дискурса, как формирование ценностных оснований социального конструирования новой общественной реальности.

6. Проекция ценностных идей на социально-политическую реальность устанавливает связи некоей ценностной системы, как формы должного в экономической деятельности, и требований социально-политической организации, как идеала социально-политического устройства (либерального, коммунитарного, социалистического и т.д.).

7. Функции социального идеала в процессе конструирования модернизационного проекта развития следующие: в форме идеала происходит отражение и обобщение тенденций социального развития, отражение и обобщение наличного бытия. Идеал представляет собой способ, проект преодоления противоречий социальной реальности в сознании людей, идеал выступает фактором социальной организации, фактором активизации и направления социальных действий, регулятором социальной деятельности.

8. Вопросы модернизационного проектирования соответствуют проблемному полю экономической философии, рассматриваемой в предложенном выше контексте. Сам модернизационный проект должен включать идеализацию мира как представления о его сущности, так и представления о том, каким мир должен быть согласно нашим желаниям.

В главе II «Экономико-философские идеи в контексте целепостановки и целереализации проекта общественных преобразований» поставлена задача выявить механизмы и условия трансформации экономико-философских идей в целевой конструкт общественных преобразований в связи с модернизацией, как целью и вариантом развития, совершенствования, общественных преобразований. Доказывается, что выбор модели нормативного порядка, который будет положен в основу проекта социально-экономического реформирования, не является произвольным решением политической элиты и во многом определяется научными достижениями и идейными установками общества.

2.1. Социальная конкуренция научных и идейных социально-философских представлений. В параграфе рассмотрены процессы становления науки, как формы знания и способа активно-преобразующего отношения к миру, показано, как в новоевропейской науке осуществился переход от созерцательно-пассивного отражения мира к познанию социально-экономических закономерностей и преобразованию социально-экономического уклада жизни, руководствуясь научно обоснованным планом преобразующей деятельности.

Предметно-объективный характер научного исследования устанавливает в качестве основного методологического принципа ценностную нейтральность науки, которая до сих пор считается ее основным достоинством, поскольку позволяет организовать непрерывное функционирование канала поставки объективного знания о мире, что придает науке особый статус. Обществу Нового времени импонировали критицизм научного метода, способность подвергать скрупулезному анализу факты и уже существующие знания, а также доказательность, опирающаяся на цифры и факты, что прямо контрастировало с установками средневековой науки, апеллирующей к Откровению. Естественнонаучные аналогии не были второстепенным, иллюстративным элементом научно-

го теоретизирования того периода: с одной стороны, их использовали как гипотезы, позволяющие выявить существенные черты из всего многообразия реальных фактов, с другой стороны, с их помощью утверждали в рамках научной теории определенный «язык», предназначенный для формирования системного и структурированного метода мышления.

Развивая далее рассуждение о методе исследований, автор показывает, что метод не только выделяет предмет исследования из всего многообразия реальных фактов, делает его доступным изучению, но и в определенной степени формирует, конструирует объект исследования в ходе научного теоретизирования. Пример – универсализация современного основоположникам экономической науки экономического порядка – рыночного. Экономические цели и мотивы в этой «якобы универсальной» модели сводятся преимущественно к денежным, к максимизации прибыли, выгоды. Для любых других характеристик экономического поведения утверждается термин «дорыночные». Таким образом, исторически ограниченные рынок и товарные отношения квалифицируются в экономической науке как «естественные». Экономическая теория приобретает черты рыночноцентризма. Через универсализацию категорий специфически рыночного анализа происходит конституирование нового объекта исследования – универсально-всеобщего рыночного хозяйства.

Научный конструкт иногда становится действующим фактором общественного сознания и приобретает принуждающие к социальному действию функции. В научном представлении, в мысли должно обнаружиться не только описание, объяснение объективной реальности, но и постановка перед человеком практической цели, скрытая программа общественных преобразований. Научное представление должно иметь идею – форму постижения объективной реальности, включающей в себя осознание цели и модель практического преобразования мира, и коррелировать с идеалом как проекцией социальных интересов.

Совокупность таких идей образует идеологию. Феномен идеологии позволяет объяснить механизм трансформации научных представлений в целевой конструкт и программу общественных преобразований. Духовная власть идеологии определяется ее способностью и предназначением интегрировать и систематизировать знания, выработанные не только различными поколениями, но и полученные в различных специализированных сферах – науке, искусстве, морали, праве, философии. Исключение ценностных аспектов из экономической науки, отражающее реалии рыночной экономики, снижает программно-преобразующие возможности теории, вместо них была введена идеологическая форма существования базовых положений теории – рынка, экономической свободы, свободной конкуренции, частной собственности и т.д.

2.2. Классовый характер экономико-философских идей. В параграфе обосновывается укорененность содержания экономических идей в социальной структуре общества. Анализ экономических взглядов Аристотеля, Л. Альберти, П. Буагильбера, А. Смита, Д. Риккардо, К. Маркса и других показал, что за требованием научной объективности и универсальности выводов всегда присутст-

вуют класс, слой, социальная группа, чьи экономические интересы, стереотипы экономического поведения, установки сознания отразились в экономико-философской концепции. В идеале добродетельной жизни у Аристотеля воспроизводится классовый интерес рабовладельца, хозяина поместья. Отражая интересы нарождающейся буржуазии, Л. Альберти говорит о разумном сочетании натурального и товарного хозяйства. Экономические идеи эпохи абсолютизма представляли собой расширение идеи хозяйства до государственной национальной общности. Экономический человек А. Смита удивительно точно соответствует образу «идеального буржуа», нарисованному Б. Франклиным. К. Маркс, создавая универсальную модель социально-экономического развития, подчеркивал классовые интересы пролетариата и т.д. Поэтому выбор и обоснование модернизационного проекта должны учитывать классовую природу социальных идеалов, но не ограничиваться ею. Так, К. Маркс никогда не настаивал на том, что частные интересы пролетариата являются всеобщими: слишком ущербно было бытие этого класса. Таким образом, в основу конструирования модернизационного проекта необходимо помещать экономико-философский анализ исторического развития потенциала человеческой природы и универсально-всеобщей человеческой сущности.

2.3. Влияние экономико-философских идей на представления о нормативном социальном порядке. Реализацию модернизационного проекта можно рассматривать, как процесс становления нового нормативно-ценностного порядка, под которым в социальных науках принято понимать социокультурный комплекс, состоящий из интересов, ценностей, целей и средств их достижения. Также как и социальный идеал, нормативный порядок выступает целевым конструктом общественных преобразований. Но в отличие от социального идеала, имеющего чувственно-образную форму, наглядность и бытийственность, нормативный порядок осмысливается в качестве правил и норм поведения социальной жизни. В ходе институционализации эти нормы становятся элементами взаимных ожиданий, оказывая на поведение индивидов причиняющее воздействие.

Производство и воспроизводство социального порядка происходит в процессе припривычивания (хабитуализации), типизации социальных действий, повседневных социальных взаимодействий, т.е. не является целенаправленным, сознательным процессом, сознательно-преобразующей деятельностью. Но при этом становление нормативного порядка не означает отсутствия социальной рефлексии на темы правил социального поведения. Теоретическая рефлексия выступает существенным моментом механизма становления социального порядка, обеспечивая отбор и легитимацию норм в сознании общества, действуя через наиболее квалифицированных его представителей.

В контексте экономической модернизации обычно обсуждают оппозицию рыночного и нерыночного нормативного порядка, что сопоставимо с выделением двух идеальных экономических систем: «планирующая и рыночная» (Гэлбрейт), «рыночный и командный тип экономики» (М. Фридмен), «централизо-

ванно управляемое хозяйство и меновое хозяйство» (В. Ойкен) и т.д. Эти экономические системы качественно различаются способами регулирования, размещения и использования экономических ресурсов, а также воспроизводственными механизмами систем. Различия данных экономических систем проявляются не только в объективных системных характеристиках (формы собственности, механизмы управления), но и в правилах экономического поведения, способах постановки субъектами экономических целей, представлениях социально-экономических субъектов о достойных целях экономической деятельности и допустимых средствах их достижения, о характере интересов социально-экономических субъектов, о доминирующих ценностях. Соответственно выделению идеальных экономических систем сложилось разделение хозяйственных культур и нормативных порядков.

Считается, что противопоставление культур и выявление их связи с экономической эффективностью являются результатом строгого научного анализа и получаются в ходе сравнительных исследований экономических систем. Однако К. Поланьи, показав доминирование рыночной экономики⁹, выделил такие принципы хозяйствования, как обмен, реципрокность, перераспределение и домашнее хозяйство, порождающие иные нормативные порядки, которые только сейчас становятся предметом детального научного анализа. Господство столь жесткой дихотомии рыночного и нерыночного при таком разнообразии нормативных порядков в науке и теориях общественных преобразований связывают с непосредственной заинтересованностью некоторых социальных групп в установлении рыночного порядка.

С позиции автора, такой подход является известным упрощением. Становление рыночного нормативного порядка во многом является результатом философской интерпретации идеи рационализма. Как способ научного мышления и действия, рациональность оформилась в XVII – XVIII вв., в эпоху становления экспериментально-математического естествознания. В произведениях философов рациональность предстает не только как формально-научная доказуемость и расчет при подготовке и проведении исследования, но и как всеобщий метод мышления, который проявляется в отказе от не подтвержденных фактами мнений, в опоре на «твердую почву» разума. В работе Р. Декарта «Рассуждения о методе» изложены основания для универсализации и превращения в норму принципов рационального мышления.

Рациональность, как способ мышления, трансформируется в формообразующий принцип жизненного мира и деятельности. Механицизм очищает рациональное действие от целесообразности, телеологичности поведения, указывая только комплекс действующих причин, выбор между которыми определяет рациональность поведения. Цель теряет метафизические основания и превращается в ступени, этапы рациональной стратегии принятия решений. Механицизм трансформировал представления обо всем, лежащем вне действующего и

⁹ Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. – СПб., 2002.

познающего субъекта, в систему объектов, используемых этим субъектом в своих интересах. В эту систему объектов, факторов рациональной стратегии поведения включаются не только природа, общество, но и другие люди. Например, расчет наслаждений и страданий, общего и частного интереса составляет основы моральной арифметики И. Бентама. И даже И. Кант не избежал ловушек рациональности, полагая, что именно разум выступает последним основанием этики и определяет ее.

Выводы, полученные во II главе:

1. Социальная конкуренция научных и идейных социально-философских представлений тесно связана с динамикой взаимоотношения идеологии и науки. Взаимодействие осуществляется через противопоставление науки и идеологии как форм объективно-истинного и ложного, иллюзорного сознания. Идеология нуждается в научном обосновании заложенного в нее социального идеала, а силу и действенность научным истинам и практическим рекомендациям придает идеологическая форма.

2. Взятая в историческом периоде ни одна из этих форм не имела значительного преимущества в общественном сознании. Динамика предпочтений носила волнообразный характер и связывалась с недиалектической абсолютизацией одной из форм.

3. В отличие от реального нормативного порядка, нормативный порядок, как целевой конструкт общественных преобразований, является результатом научного производства, идеологической борьбы и философских штудий.

4. Анализ экономико-философских рассуждений о нормативном социальном порядке показал их зависимость от социально-классовых интересов.

5. Становление экономического нормативного порядка осуществляется в процессе философско-экономического теоретизирования, в частности, происходит конструирование социально-экономического идеала, вырабатываются оценочные критерии для выявления степени соответствия реальных действий экономических агентов идеальным экономическим системам, утверждаются представления о путях и способах достижения идеала.

6. Итогом развития европейской рационалистической цивилизации явилось представление о существовании рациональной процедуры реализации общественных преобразований.

Глава III «Политизация экономико-философских идей в российском модернизационном проекте: праксеологические аспекты». Реализация любого трансформационного проекта есть политическое действие. Современная экономическая политика Запада явилась результатом успешной политической инструментализации экономико-философских идей и моделей социально-экономического развития, в основе которых лежали осмысленные и выстраданные именно в этой части света социальные идеалы. Российский опыт обнаруживает существование проблем в плане политической интерпретации и воплощения экономико-философских идей в модернизационном проекте.

3.1. Социальная апология экономических моделей общественного развития. В истории России, по крайней мере, дважды широко обсуждались проблемы выбора модернизационного проекта. В конце XIX – начале XX в. в России обсуждались социалистическая и капиталистическая перспективы, общинный социализм, крестьянский социализм, буржуазно-либеральные модели, индустриально-капиталистические модели. В конце XX века доминировали теории или концепции индустриального и постиндустриального общества, прогностические или футурологические концепции глобальной экологии, новой цивилизации, новых посткапиталистических и постсоциалистических обществ будущего, концепции устойчивого развития. Независимо от объективного содержания этих концепций, все они проходили период утверждения через поиски аргументации, весомой и значимой для принятия решения в пользу той или иной модели социального развития. XIX век представлял собой почти столетнее поле политической дискуссии. В неспешных обсуждениях сложилась достаточно продуманная и политически взвешенная социальная апологетика экономических идей, изучение которой открывает возможности их успешной политической инструментализации. Изучение теоретического наследия Н. Мордвинова, М. Сперанского, К. Кавелина, Б. Чичерина, П. Пестеля, Н. Чернышевского, А. Герцена, П. Струве, В. Ленина и др. позволило сформулировать основные приемы апологетики социально-экономических моделей общественного развития. Большинство приемов, так или иначе, можно свести к идее всеобщего блага, к признаваемому данной группой или всем обществом социальному или нравственному идеалу, к указанию на объективизм социально-экономического развития или телеологичность исторического процесса, на соответствие «магистральному» пути развития или же акцентирование национальной самобытности, на прогрессивный класс, выступающий движущей силой и источником преобразований, а также на мотивацию сострадания и необходимость решения проблем бедствующего слоя, класса, группы или всего общества и др. Все способы апологии воспроизводятся в другой поворотный момент российской истории – политических дебатах конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого века, что позволяет сделать вывод об их всеобщности.

3.2. Политическая инструментализация экономико-философских идей. История показывает, что экономико-философские идеи могут остаться исключительно предметом теоретического обсуждения, не воплотившись в реальные трансформационные проекты. Чтобы этого не произошло, экономико-философские идеи должны пройти процесс политической инструментализации, т.е. превратиться в идеологическую доктрину и экономическую платформу политической партии – основного организующего фактора современной политики. Именно политические партии выступают формой связи между гражданским обществом, где происходит обсуждение идей, и правительственными институтами, ответственными за реализацию экономической политики. Матрица политико-партийной инструментализации экономических идей складывается, прежде всего, на основе содержания самой экономической доктрины.

В российском обществе конца 90-х гг. партийный спектр не соответствовал сложившимся на Западе направляющим осям координат. На Западе сущест-

вуют представления о консерватизме правых, об их стремлении к сохранению существующего строя и радикальных устремлениях левых. Но названия российских политических партий далеко не всегда отражают данные политические установки и, по мнению политологов, зачастую даже противоположны им. Сторонников рыночных реформ, установления отношений, свободных от вмешательства государства, называют «правыми», сторонников сохранения и возврата к существовавшим ранее отношениям – «левыми».

Факты модификации идеологических доктрин современных партий и историческая изменчивость их политической маркировки позволяют представить указанные выше особенности российского партийного самоопределения как естественную и закономерную трансформацию современных партийных систем. М. Дюверже также указывал на отход от доктринального самоопределения партии, подчеркивая, что современные партии представляют собой структурно-функциональные общности.

Переход к структурно-функциональной общности партийного образования не отменяет, а закрепляет механизм партийно-политической инструментализации социальных и экономико-философских идей: идея, доктрина выступает источником активного партийного строительства, способом апологии моделей социально-экономического развития, положенных в основу партийной программы. Но эффективность деятельности партии, успешность воплощения в жизнь программных экономических моделей, успешность практической реализации идейных установок зависит от ее базовой организационной структуры. Таким образом, организационный аспект начинает доминировать над идейно-содержательным, вплоть до корректировки последнего.

Именно по такому сценарию развивался процесс партийно-политической инструментализации модернизационного проекта российского общества 80-х – 90-х гг. прошлого столетия. Матрица российской партийной структуры сложилась, в определенной степени, под влиянием социально-политической апологии моделей общественно-экономического развития России, различие избранных моделей социально-экономического будущего России выступило фактором партийной дифференциации. В период становления партий доминировали идеологии, они и определяли партийно-политический спектр. К началу XXI в. дихотомия «социализм–капитализм» в партийно-политической сфере перестает быть актуальной, политико-экономические платформы партий определяет авторитарно-либеральная вертикаль.

Анализ парламентской деятельности партий отражает процесс становления в России политического корпоративизма. Парламент и партийное представительство теряют способность выступать механизмом реализации интересов различных классов, социальных слоев и групп общества в системе государственной власти, механизмом развития политического участия различных слоев населения в выборе и реализации модели экономического развития, в то время как роль политических элит в этом процессе становится более значимой.

3.3. Динамика политических элит и коррекция экономической модели модернизационного проекта. В настоящее время трудами М. Вебера, Х. Ортеги-и-Гассета, А. Тойнби, К. Манхейма, В. Парето, Г. Моска, Р. Михельса и др. создан фундамент для развития научных теорий элит, исходя из которого можно рассмотреть проблемы выработки и коррекции экономической модели модернизационного проекта российского общества. Для решения вопроса в поставленном ключе в работе определены контуры элитных групп, их субъектный потенциал, характер воздействия на процессы принятия решений.

Воздействие на общество элит осуществляется через принятие элитой стратегически важных решений относительно будущего развития общества. Механизмы воздействия элит на принятие стратегических решений включают также патронат деятельности ведущих политических партий и общественных движений, утверждение структуры и состава органов власти, корректировку социально-политических интересов общества, распределение и перераспределение ресурсов, что, соответственно, усиливает или ослабляет отдельные социальные группы. Выбор политического решения определяется характером элиты и подвергается корректировке в процессе ее изменений, что особенно важно для России с ее специфической историей и особенными элитами.

Ключевая особенность российских элит – способ элитообразования. О. Гаман-Голутвина предложила довольно целостную авторскую концепцию процессов образования политической элиты в России, способную стать инструментом анализа динамики модернизационных процессов. Преобладание мобилизационных методов и механизмов управления на протяжении значительных периодов истории российского государства обусловило соответствующий принцип элитного рекрутирования и привело к неожиданному сходству различных исторических форм правящего класса России. Их роднят характер внутренней организации, принципы их формирования и функционирования, что также определяет сходство модернизационных проектов и методов их реализации. И хотя процесс становления нового правящего класса, новых элит не был прозрачен и не был свободен от противоречий, его социальная значимость в том, что была предпринята попытка заложить основы нового способа рекрутирования элит, что могло бы повлиять на характер реализации модернизационного проекта. О. Гаман-Голутвина не может полностью согласиться с мнением, что в России произошло существенное изменение доминировавшей ранее модели элитообразования, и что сделаны шаги к переходу от «служилого» принципа формирования власти к олигархическому¹⁰. В России действительно сложилась элитократия, как совокупность плюралистически организованных элитных групп, представляющих собой сложное переплетение бизнес-элиты с политико-административной бюрократией. Но мобилизационный принцип элитообразования сохраняется, что проявляется в упрочении позиций в составе элитных групп бюрократии и силовиков, интересы которых традиционно связаны с уси-

¹⁰ Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. – М., 1998. – С. 53.

лением функций государства, в том числе и в экономике, бизнес-элиты, озабоченной сохранением и легитимацией собственности, приобретенной не всегда законными путями, партийных функционеров, националистов-патриотов, либералов-реформаторов.

В многообразии интересов и представлений каждой из этих групп отсутствует четкое представление об экономическом развитии России, что свидетельствует о трагической для страны бессубъектности властной элиты.

Бессубъектность российской элиты и отсутствие у нее явного модернизационного проекта определяют готовность следовать в фарватере решений сильной фигуры, авторитарный синдром, что в свою очередь ведет к отказу от публичной, основанной на прозрачных правилах и процедурах политики, от политической конкуренции проектов экономического развития.

Выводы, полученные в III главе:

1. Механизм политического воплощения проекта включает убедительное социальное обоснование и апологию предложений проекта, их партийно-политическую идентификацию, убежденность и заинтересованность в проекте развития социально, экономически и политически сильных групп.

2. Процесс политической инструментализации экономико-философских идей включает превращение их в идеологическую доктрину и экономическую платформу политической партии.

3. Механизм партийно-политической инструментализации социальных и экономико-философских идей включает следующие моменты: становление или открытие идеи и формирование доктрины, которые выступают источником активного партийного строительства, способом апологии моделей социально-экономического развития, положенных в основу партийной программы, формирование базовой организационной структуры, обеспечивающей эффективность партии и ее социально-политический успех.

4. Особенности российской политико-партийной инструментализации экономико-философских идей следующие: путаница и полный произвол политической маркировки партий, произвольные, не обусловленные доктринально модификации идеологических программ современных российских партий, отход от доктринального самоопределения партии, кросс-партийные ценностные воззрения избирателей, превращение партий в структурно-функциональное образование, существование рассогласования между идеологическими представлениями электората и экономическими программами партий, устойчивость двухвекторности партийной идеологии (назад к социализму, вперед к капитализму) и тяготение к вертикальному взаимодействию с государственными структурами и т.д.

5. Слабость механизмов партийного представительства ведет к потере партиями способности представлять различные классы, социальные слои и группы общества в системе государственной власти, ослабляет развитие механизма политического участия различных слоев населения в выборе и реализа-

ции модели экономического развития, увеличивая, соответственно, роль элит в этом процессе.

6. Решение вопроса участия элит в процессе выбора и корректировки модернизационного проекта требует учета контуров элитных групп, их субъектного потенциала, характера воздействия на процессы принятия решений.

7. Преобладание мобилизационных методов и механизмов управления российским государством определяет такую особенность российской элиты, как ее политизированность, тяготение к авторитаризму, бессубъектность и ее авторитарный синдром.

Глава IV «Модернизация экономических институтов и проблемы антропосоциогенеза российского общества». Формирование новой институциональной структуры – необходимый момент процесса социального реформирования. Действительно, воплощение в жизнь реформаторского проекта типа рыночной модернизации общества предполагает осуществление преобразований во всех социетальных сферах. Условием и одновременно результатом таких преобразований выступают изменение норм и правил поведения индивидов и социальных групп, институциональные преобразования.

Проблемность и противоречия институционального строительства в современной России отмечены многими исследователями. В этом сложном конгломерате противоречий выделены два момента. Первый связан с проблемой соотношения спонтанного институционального развития и сознательного целенаправленного институционального строительства. Второй проблемный момент следует из первого: необходимо установление уровней и характера сознательного участия общества и его отдельных представителей в процессах институционального строительства.

4.1. Производство институциональной системы: влияние доминант и детерминант общественной жизни. Проблема, сформулированная дихотомически, предполагает, как минимум, два варианта решения: институты – результат сознательного конструирования социального порядка в ходе социальных реформ, или же это стихийно складывающиеся социальные формы в ходе социально-исторического развития. В параграфе рассмотрены теории формирования институтов и институционального развития П. Бергера, Т. Лукмана, В. Тамбовцева, А. Олейника, К. Поланьи, Д. Норта, С. Кирдиной и др.

В соответствии с теорией П. Бергера и Т. Лукмана производство институтов не является для человека планомерной, целенаправленной сознательно-преобразующей деятельностью. Процесс институционализации осуществляется в результате опривычивания наиболее эффективных действий, с последующей их взаимной типизацией взаимодействующими людьми и формированием на этой основе социальных конструктов. Сознательная социальная акция – законодательное закрепление сформированных социальных практик, разработка законодательства, подкрепляющего распределение социальных ролей и функций. В данном контексте вполне естественным для реформ выглядит процесс институциональных изменений в экономике России как приведение в соответствие

формальных и неформальных норм рыночного взаимодействия. Российские институционалисты отметили противоречия, вызываемые спонтанной институционализацией, и необходимость работы по проектированию и строительству институтов для снятия противоречий спонтанного развития.

Автор уверен, что представление о возможности составления и реализации безидеологических институциональных проектов по принципу их эффективности – чистейший сциентизм. В ходе институционального проектирования и институционального строительства устойчиво воспроизводятся некоторые, даже неэффективные нормы и правила. Причины этого следующие: существование институциональных матриц (Д. Норт, С. Кирдина), инстинкт самосохранения политических и экономических элит (Д. Норт), инерционность институтов и фактор «Path Dependency». Интересен фактор «Path Dependency», который в институциональной истории указывает не только на действие существующей к определенному моменту причины устойчивости института, но и на переломный момент институционального развития – момент институционального выбора.

Институциональный выбор – процесс, в котором присутствуют конкурирующие модели поведения и социальных взаимодействий, институциональной инновации, рационально обоснованные цели, различия между намерениями и следствиями и т.д. Но в отличие от «рынка институтов» выбор совершается зачастую не столь рационально. Концепт институционального выбора структурирует экономическую историю как последовательность институциональных выборов, коллективно совершаемых отдельными социальными группами и цивилизациями в том числе во взаимодействии друг с другом, выборов, задающих траекторию институционального развития.

4.2. Этапы институционального строительства и общественное обсуждение экономических идей. Анализ взаимодействия власти и общества в ходе институционального строительства показал, что политическая элита России в 90-х гг. прошлого столетия, претворявшая в действительность реформационные проекты, не стремилась стать силой, отстаивающей в конкурентной борьбе общественные интересы. Она превратилась в замкнутую корпорацию людей, сделавших политику своей профессией и узурпировавших право на производство мнений, отказав в этом праве другим слоям населения. Экономическая политика страны в меньшей степени зависела от общественного обсуждения идей и все больше становилась областью политических технологий.

Общественное мнение, несмотря на сиюминутность общественной реакции и информационную фрагментарность, не является поверхностной рябью в море суждений относительно реформ. Люди способны в собственных оценках исходить из целостной картины экономических, политических и социальных процессов. Общественное мнение фиксировало узкие и напряженные места воплощения реформаторского проекта. Так, что политики не единожды упускали возможность корректировки его основных параметров или возможность выбора иного пути капиталистического развития. Упорный отказ от включения фактора общественного мнения позволяет усомниться не только в профессиональной

компетенции реформаторов 90-х гг., но и поставить под сомнение провозглашенные изначально аксиологические принципы основания их деятельности.

Институциональное оформление нынешнего российского политического пространства также вытесняет принцип общественного обсуждения экономических идей. Существует выстраивание властной вертикали по схеме пирамиды, вершина которой – элитные группировки – продуценты, теперь уже даже не идей, а государственных решений, затем профессиональные группы, обеспечивающие ретрансляцию решений, и обеспечивающих в случае необходимости идейно-теоретический подтекст. Основному населению отводится роль реципиентов принятых наверху решений. Партии в этом процессе выполняют ряд функций, среди которых обеспечение политической дискуссии стоит в числе последних. Реальностью стало формирование системы моноцентрического политического режима – доминирование «партии власти» при большом количестве разнообразных политических партий, не выполняющих функций политического представительства.

Политические силы либо крайне слабо организуют идейные дискуссии, либо не пытаются делать это вовсе (как, например, «Единая Россия», акцентирующая выполнение административно-хозяйственных функций под лозунгом конкретных практических дел). Ценностный консенсус, о котором пишет Л. Бызов, частично является результатом концентрации наиболее популярных положений всех конкурирующих партий в некоторый синтетический идеологический продукт.

4.3. Тенденции институционального становления системы рыночного общества в России рассмотрены, начиная с первых ростков капитализма и предпринимательства в 50-70-е гг. прошлого столетия. К основным проблемам институционального строительства в сфере экономики относятся трансформация отношений собственности и формирование института частной собственности, обеспечение незыблемости прав собственности, формирование института эффективных собственников, предпринимательства. Автор выделил два этапа формирования этих институтов – период неформального экспериментаторского поведения, спонтанной реализации новых норм и правил, а также период формального институционального строительства соответственно плану экономических реформ. На каждом из этапов большую роль в закреплении институциональных правил и норм играет «рынок институтов», посредством которого индивиды сами выбирают наиболее устраивающие их правила поведения в обществе в целом и его социетальных сферах, в частности, соизмеряя преимущества и издержки, которые дает им следование или отказ от этих норм и правил.

Важнейшей тенденцией институционального развития российского общества является сосуществование различных институциональных порядков, выделяемых К. Поланьи (обмен, реципрокность, перераспределение и домашнее хозяйство). К. Поланьи подчеркивал возможность сосуществования различных институциональных порядков, построенных на данных моделях. Но каждый из

этих институциональных порядков предполагает особую структуру отношений. Данные модели не могут эволюционировать друг в друга. Там, где господствуют нерыночные принципы взаимодействия, обмены не приводят к становлению рынка, а ведут к выделению значительного теневого сектора.

Другой стороной существования различных институциональных порядков является закрепление различных локальных институциональных сред, заменяющих единую общенациональную систему норм и правил экономического поведения. Законы и постановления правительства конституируют институциональную модель, выступающую целью социально-экономического реформирования, в данном случае направленные на формирование институтов рыночного общества. Но разрыв между социально-экономическими нормами, отраженными в законах и постановлениях, и реальными моделями социально-экономического поведения порождает многообразие локальных институциональных сред, регламентирующих формы деятельности отдельных хозяйствующих субъектов.

Оптимистичные сценарии общественного развития предполагают складывание интегративной институциональной структуры, объединяющей различные локальные среды на основе норм и моделей социального развития и модернизации общества, хотя интеграция нормативной системы возможна и на другой основе.

В отношении российского общества, имеющего значительный научный и образовательный потенциал, формами институциональной интеграции могут выступить научно-технические сферы, создание очагов передовых технологий на базе университетских центров и наукоградов. Учитывая ведущую роль социальных элит, можно предположить путь интеграции локальных институциональных сред на базе договорного процесса, удовлетворения интересов и взаимных притязаний и поиска путей консолидации элит.

Выводы, полученные в IV главе:

1. Противоречия институционального строительства в современной России связаны с проблемой соотношения спонтанного институционального развития и сознательного целенаправленного институционального строительства.
2. Анализ российской практики институционального строительства показывает, что в динамике формальных институтов, прежде всего, отражается эволюция экономико-философских установок субъектов модернизации, наделенных полномочиями и обладающих возможностью конструирования соответствующих институтов через изменение законодательства.
3. Процесс институционального строительства и выбора институтов в ходе российских реформ в значительной мере был предопределен политической ситуацией 90-х г. прошлого столетия.
4. Анализ этапов институционального строительства и общественного обсуждения экономических реформ показал отсутствие нормального диалога народа и власти относительно реализации экономико-политических идей. Резуль-

тат – потеря гражданами интереса к политической сфере, обращение к проблемам практического выживания в условиях наличной политической и экономической ситуации.

5. Итоги парламентских выборов последних лет высветили серьезный кризис сложившейся ранее системы парламентского и партийно-политического представительства: утрату парламентом роли института социального представительства, превращение административного ресурса в главный инструмент достижения электорального успеха, снижение роли идеологической идентификации в деятельности партий.

6. Институциональное оформление нынешнего российского политического пространства вытесняет принцип общественного обсуждения экономических идей. Существует выстраивание властной вертикали по схеме пирамиды, вершина которой элитные группировки – продуценты теперь уже даже не идей, а государственных решений, затем профессиональные группы, обеспечивающие ретрансляцию решений, и обеспечивающих в случае необходимости идейно-теоретический подтекст. Основному населению отводится роль реципиентов принятых наверху решений.

7. За время реформ не созданы институциональные формы общественного обсуждения философско-экономических идей как целевого конструкта общественных преобразований, в результате происходит сведение участия в институциональном строительстве только к партийным формам, идейно-идентификационных установок партий – к личности лидера, а деятельность партий – к участию в выборах.

8. Существует слабая зависимость процесса и результатов институционального строительства от общественного мнения, большее значение имеет способность узких групп интересов реализовывать собственные интересы, сформировались институциональные модели, не предполагающие выдвижения и обсуждения новых идейных проектов, ориентированные на реализацию политико-экономических установок властвующего субъекта.

9. Распределение политических и экономических сил между ведущими субъектами экономических реформ привело к формированию трех типов институтов, способных определить институциональное развитие России соответственно различным типам модернизационного проекта: государственное регулирование с ориентацией на патернализм, институты легального рынка с ориентацией на прибыль в рамках действующего законодательства и институты теневого рынка, предполагающие ориентацию на максимальную прибыль, не ограниченную рамками закона, и на групповой эгоизм. Выбор в пользу того или иного типа институциональной структуры осуществляется путем включения населения в экономические действия, соответствующие тому или иному типу институтов.

10. Основные препятствия рыночной модернизации в институциональном контексте связаны с сосуществованием различных институциональных порядков и локальных институциональных сред. Политика модернизации российско-

го общества должна осуществляться таким образом, чтобы рынок не разрушал значительную часть основанных на нерыночных социальных контактах социально-экономических отношений российского общества.

Глава V. «Управление процессами легитимации проекта социально-экономической модернизации в России». Проблема российских модернизаций всегда заключалась в инициировании их верховной властью и осуществлении изменений в форсированном режиме. Безусловно, такой вариант проекта был обусловлен особенностями исторической ситуации – дефицитом времени для осуществления преобразований и отсутствием многих необходимых ресурсов. Однако успех реформ связывается не столько с тем, соответствует ли характер задачи материальным возможностям общества их реализовать, сколько с заинтересованностью элит и населения в институциональных реформах общества и готовностью изменить параметры экономической культуры, принять ценности развития и модели нового поведения.

5.1. Экономические стереотипы и установки общественного сознания в воспроизводстве социальности. Исходное состояние экономического сознания россиян накануне движения в сторону модернизации в начале XXI в. было определено государственно-патерналистической ориентацией и иерархическим эгалитаризмом, представляющим сочетание внутренней установки на иерархичность миропорядка с ярко выраженным требованием социального равенства. Считается, что модернизация столкнулась с комплексом традиционных и советских ценностей и норм, например, как работник, советский человек проявлял отчуждение от политики верхов, оправдывал государство, проявлял терпимость к дефектам государственного хозяйствования, исконно русское почтение и преклонение перед властью, коллективизм. Сопоставление таких черт, как а) коллективизм советского человека – соборность русского народа; б) достижительность – инертность, безынициативность; в) патернализм – государственный негативизм; г) двойные стандарты – чистосердечность и открытость, показало, что особенности и типологические черты советского человека не являются исключительным продуктом российской культуры, православного этоса, а представляют собой продукт советской модернизации. Дореволюционный опыт экономического поведения – скорее мифологема, оказавшая влияние на процедуры рефрейминга экономических стереотипов. Исследование стереотипов экономического поведения, ценностно-нормативных стандартов и установок россиян в первые годы реформ 90-х показало определенную динамику в сторону рыночных канонов – экономического рационализма, достижительной активности, многообразия форм экономического поведения, заботы о личном, а не общественном благе и т.д. Был установлен рост инициативно-индивидуалистического отношения к работе.

Процесс модернизации экономических ценностей, установок и стереотипов поведения не следует рассматривать изолированно, поскольку большей динамикой могут обладать другие базовые ценности. Ценности не существуют

изолированно, а образуют социокультурные комплексы, включающие ценностно-нормативные стандарты, социальные установки, стереотипы экономического поведения. Большую роль играют два полюса не сводимых друг к другу доминант сознания, вокруг которых формируются ценностно-нормативные модели: пассивно-традиционная и активно-новационная.

Экономико-стратификационные исследования подтвердили существование больших групп людей с принципиально разной ценностной системой и ментальностью: патерналистско-эгалитаристский тип ментальности, индивидуалистически-либеральный тип ментальности и промежуточный тип ментальности. При этом реальную динамику социальных установок и стереотипов сознания все менее отражает ценностная оппозиция «традиционные – либеральные». Требуется усложнение ценностной конструкции, выявление ее реальной полицентричности.

Итог исследования динамики комплекса модернизирующихся ценностей, социальных установок и поведенческих стереотипов следующий: ценностная структура современного российского общества включает системы как традиционных, так и модернизированных рыночных ценностей. Динамика данного комплекса включает более сложные процессы, чем движение от традиционных к либеральным ценностям. Интегрирующее ядро традиционных ценностей дополняется инструментальными ценностями, определяющими деятельностные стереотипы и установки на активность в экономической сфере. Таким образом, исследование ценностно-нормативных стандартов, как комплексов целостных синдромов массового сознания, показывает способность состыковываться с принципами либерально-экономического реформирования. Наличие ценностей российского общества не является препятствием для проведения экономической модернизации российского общества. Исследование ценностной динамики показало инертность ценностей в отличие от форм и моделей экономического поведения. Именно поэтому ценности российского общества выступают условием прочности и устойчивости в ходе изменений системы. Отсюда вытекает задача использования в ходе реформ специальных технологий рефрейминга экономических установок и стереотипов.

5.2. Аксиологическое измерение исторической эволюции и социальный рефрейминг экономических стереотипов. Экономическое сознание не является набором застывших образцов, моделей, клише, которые исправно воспроизводятся от поколения к поколению. Основным фактором изменения массового экономического сознания, на наш взгляд, выступает формирование и трансформация экономических стереотипов. Изменение стереотипов сознания, мышления и поведения позволяет решить одну из главных трудностей реформационного периода – управление процессами легитимации проекта социально-экономической модернизации, поскольку содержание стереотипов влияет на способы и формы проявления экономической активности. Социальное значение стереотипа заключается в том, что он выступает определенным способом ориентации и оценки объективной реальности посредством готовых формул и шаблонов.

Теоретико-методологические трудности оперирования этим понятием заключаются в акцентировании внимания исследователей либо на субъективной стороне эффекта стереотипизации, либо на объективности стереотипов, как отражения объективной реальности. Субъективистские подходы обычно подчеркивают моменты манипуляции сознанием, объективистские подходы – роль социальной среды, социальной действительности. Очевидно, что социально-экономические стереотипы не могут быть поняты только как результат субъективного восприятия или как порождение общественной практики, истина заключается в единстве субъективного и объективного.

Стереотипы порождаются общественной практикой, трансформация экономических стереотипов началась с момента разрушения инструментально-прагматической установки, создающей контекст оценивания ситуации социалистической действительности. Социальные реалии к началу 80-х гг. прошлого столетия (стагнация в экономике, формирование «экономики блага», коррупция и т.д.) подорвали идею труда как ценности, разрушили представление о зависимости материального благосостояния человека от трудовой деятельности. То же самое произошло и с другими установками и стереотипными представлениями общественного сознания. Социальное противоречие между социальными практиками советского общества и доминирующими идеологическими формами приводило к различным социальным деформациям и провоцировало активную перестройку объяснительных структур сознания, поиск новых интерпретационных моделей реальности, новых инструментально-практических установок, облегчающих процессы социальной адаптации.

Как необходимое условие критического пересмотра прежних устоявшихся схем общественного устройства и экономических форм деятельности, в общественную жизнь страны вошла гласность, как свобода и публичность выражения взглядов, плюрализм мнений и открытость функционирования институтов сопоставления различных экономических и политических идей.

Характерно, что вовлечение граждан в политическую жизнь привело к смещению оценок в понятии «гласность» с институционального внеличностного аспекта к личностному, от обязательств государства к лично-отно-ориентированному поведению. Гласность стала условием и средством разрушения старых и формирования новых стереотипов, но при этом превратилась не столько в свободное обсуждение различных, в том числе социально-экономических идей, сколько в массированное информационное воздействие, результатом которого стало формирование множества деструктивных стереотипов. Это массированное информационное воздействие носило частично неконтролируемый характер, основанный на известном феномене массового сознания, с большим интересом и восторгом воспринимающего негативную информацию, частично приобрело форму целенаправленного манипулятивного воздействия. Однако новые стереотипы, явившиеся результатом манипулятивных технологий, неизбежно вступали в противоречие с основными закономерностями развития, нормами и принципами современных цивилизованных государств, вместо создания про-

дуктивных рыночных стереотипов на базе модернизированной системы ценностей происходило расшатывание этой самой модернизированной системы ценностно-нормативных стандартов.

Когнитивная компонента успешной социально-экономической стереотипизации требует рационального обсуждения идей, а также особого организационного пространства.

Наиболее адекватные формы общественного обсуждения предоставляет гражданское общество, которое само является формой общения людей как граждан, как самостоятельных, автономных субъектов экономической, общественной и политической жизни страны. В обществе без гражданского общества общественный выбор осуществляют почти исключительно политические и экономические элиты. Интеллектуальной элите ставится задача формирования социокультурного контекста выбора через организацию специфического социально-политического и философско-экономического дискурса, конструирование масс-медийного пространства. Манипулирование сознанием масс через эффективные информационные технологии элита считает достаточным средством, представляя большинству очень ограниченные возможности влияния на траекторию развития: участие в выборах, если это система выборной власти, а также различные формы социально-политического протеста.

5.3. Перспективы развития России с позиций принятия общественным сознанием целей и средств модернизационного проекта. Показателем принятия общественным сознанием целей и средств модернизационного проекта являются устойчивые социальные действия и взаимодействия, осуществляемые в соответствии с нормами, правилами, продиктованными или хотя бы соответствующими данному проекту. Легитимность проекта выражается как в ценностной приверженности граждан, так и нормативном конформизме. Отказ от следования этим нормам в повседневной жизни и экономической деятельности, выбор норм и правил из другого нормативного порядка означает утрату легитимности проекта. Принятие норм и действие соответственно этим нормам означает для некоторых исследователей окончание основного этапа трансформационного периода, начало постпереходной эпохи.

Исследование противоречий рыночной адаптации россиян показывает трансформацию ценностной структуры, как основы формирования конкретных типов рыночного поведения. Проблема, отражающая динамику модернизации российского общества и особенности легитимации модернизационного проекта, связана скорее с образованием значительного люфта между модальным и нормативным уровнем принятия модернизационного проекта. Расхождение представления о рыночных реформах на уровне необходимого и должного отражается в наличии пласта нерыночного поведения, нерыночных правил и норм именно в рыночном секторе – промышленности, торговле и т.д. Закрепление современных норм теневого поведения предстает не как наследие прошлого и результат глубокой укорененности их в сознании россиян, а как рутинизация и нормативизация эффективных в современных условиях практик экономического поведения.

Проект проведения социально-экономических реформ российского общества предполагал изменение нормативной модели отношения к труду. В ходе реформ действительно изменились социально санкционированные мотивы трудовой деятельности. Легитимация частного, индивидуального экономического интереса и материальной жизни человека привела к изменению модели мотивации трудового поведения, основанной на личном материальном интересе. Но оказалось, что рыночная экономика, особенно в российском исполнении, усиливает мотивации неэкономического характера, а экономическое принуждение к труду переплетается с неэкономическими зависимостями. Например, существовавшая технологическая зависимость в монозаводских городах, моноотраслевых регионах с проведением реформ усиливает технологическое принуждение к труду, обостряя социальное напряжение. В ходе реформ россияне также столкнулись с новыми для себя формами принуждения к труду: чувство неуверенности в завтрашнем дне, незащищенности, которое формируется под воздействием нестабильности в различных сферах общественной жизни, рост безработицы и, соответственно, страх потерять работу и т.д.

Нормативная модель трудового поведения ориентируется, прежде всего, на указанные факторы принуждения к труду, а не на модель должного рыночного трудового поведения, определяемого цивилизованным взаимодействием работников и работодателей. Таким образом, формирование нормативной модели трудового поведения объясняется не социокультурными стереотипами россиян, а особенностями вынужденной адаптации к рыночным реалиям.

Сложности модернизации российского общества связываются не только с формализацией правил и норм поведения, сложившихся спонтанно, но и с трансформацией утвержденных формально норм в сторону их деформализации (В. Радаев).

В условиях российского рынка трудно ожидать от действующих рыночных субъектов форм рыночного поведения в соответствии с несуществующей моделью, поэтому естественным результатом легитимации модернизационного проекта является его коррекция в ходе нормативизации. Таким образом, формирование нормативного порядка, отличающегося от модального – приспособительная реакция в неблагоприятных условиях рыночной адаптации, определяет возможность сближения модального и нормативного по мере развития рыночных реформ.

Выводы, полученные в V главе:

1. Трансформация целей, потребностей и социальных установок субъектов модернизации – сложный процесс легитимации проекта социально-экономической модернизации в России, условие конструирования новой общественной реальности.

2. Исследование исходного состояния экономического сознания россиян показало, что особенности и типологические черты советского человека не являются исключительным продуктом российской культуры, православного этноса, а представляют собой продукт советской модернизации. Дореволюционный

опыт экономического поведения – скорее мифологема, оказавшая влияние на процедуры рефрейминга экономических стереотипов.

3. Процессы трансформации экономических стереотипов, прежде всего, опираются на изменение общественной практики и начинаются с момента разрушения инструментально-прагматической установки, создающей контекст оценивания реальной экономической ситуации.

4. Социальное противоречие между социальными практиками советского общества и доминирующими идеологическими формами приводит к различным социальным деформациям и провоцирует активную перестройку объяснительных структур сознания, поиск новых интерпретационных моделей реальности, новых инструментально-практических установок, облегчающих процессы социальной адаптации.

5. Условие рефрейминга экономических стереотипов – гласность, как свобода и публичность выражения взглядов, плюрализм мнений и открытость функционирования институтов сопоставления различных экономических и политических идей. Обратная сторона гласности – информационное манипулирование, включающее манипуляции словами и образами, размывание и подмену понятий, перестройку и разрушение логического мышления, создание некогерентности и т.д.

6. Результат манипулятивного воздействия на процессы рефрейминга стереотипов – деформация сознания, формирование псевдорыночных стереотипов, деструктивная стереотипизация, расшатывание модернизированной системы ценностно-нормативных стандартов.

7. Показателем принятия общественным сознанием целей и средств модернизационного проекта являются устойчивые социальные действия и взаимодействия, осуществляемые в соответствии с нормами, правилами, продиктованными или хотя бы соответствующими данному проекту. Легитимность проекта выражается как в ценностной приверженности граждан, так и нормативном конформизме. Отказ от следования этим нормам в повседневной жизни и экономической деятельности, выбор норм и правил из другого нормативного порядка означает утрату легитимности проекта.

8. Несмотря на противоречивость адаптации россиян к реформам, многочисленными социологическими исследованиями установлено согласие населения с общими контурами рыночного модернизационного проекта. Россияне поддерживали такие основные меры, как приватизация госпредприятий, поощрение частного предпринимательства и т.д. Произошла трансформация ценностной структуры как основы формирования конкретных типов рыночного поведения.

9. Проблема, отражающая динамику модернизации российского общества и особенности легитимации модернизационного проекта, связана с образованием значительного люфта между модальным и нормативным уровнем принятия модернизационного проекта. Существование расхождения между модальным и нормативным уровнем определяется не только социокультурными традициями двоемыслия, но и кризисом социальных ожиданий в процессе рыночной адап-

тации, как приспособительная реакция в неблагоприятных условиях рыночной адаптации.

10. Сближение модального и нормативного возможно по мере развития рыночных реформ и коррекции модернизационного проекта в ходе его нормативизации.

В **Заключении** диссертации подводятся итоги проведенного анализа, формулируются основные выводы и намечаются перспективы дальнейшего исследования проблемы.

Наиболее существенными итогами работы являются следующие.

Определяющим в настоящем диссертационном исследовании выступает назначение экономической философии как инструмента социальной философии при обосновании и формировании модернизационного проекта, определяющего социально-экономическое развитие страны. Преимущества предложенной научно-теоретической основы определяются ее цельностью и возможностью исследования объективных, теоретико-методологических и программных положений в единстве. Был сделан вывод о том, что в современной России сложились благоприятные условия для разработки и реализации соответствующего современности национального модернизационного проекта.

Главным положением исследования является то, что формирование проекта и реализация социально-экономического развития России в XXI в., по крайней мере, в ближайшем будущем, существенны в единстве и определяются убедительным социальным обоснованием и апологией положений модернизационного проекта, их партийно-политической идентификацией и инструментализацией, их широким общественным обсуждением, убежденностью и заинтересованностью в проекте развития социально, экономически и политически сильных групп и включением в их реализацию проекта при решении вопросов институционального обеспечения и в условиях возможности сближения модального и нормативного по мере развития рыночных реформ и коррекции модернизационного проекта в ходе его легитимации; при этом снятие известных негативов, существенных для указанных положений оборачивается содержательной и конструктивной сторонами, как формирования, так и реализации проекта. Поэтому, в частности, экономическое развитие в современной России представляется не самостоятельно рассматриваемым и реализуемым, а укорененным в первостепенно необходимых общественно-политико-социальных изменениях.

Таким образом, обоснованы не только основы и научная содержательная параметризация осмысления и выбора собственного модернизационного проекта развития России, включающего создание условий для экономического развития, но и возможность его реализации и наиболее важные аспекты его проектирования. Указанные положения также определяют возможности политэкономической проработки аспектов модернизационного развития, которые предполагается осуществить в отдельной научной работе.

По теме диссертационного исследования автором опубликованы следующие научные работы:

статьи в рецензируемых научных журналах Перечня ВАК

1. *Молчанов К.В.* Тенденции развития институциональной системы рыночной экономики в России // Научная мысль Кавказа. Спецвыпуск. – 2006. – № 10. – 1,0 п. л.
2. *Молчанов К.В.* Производство институциональной системы: сознательная деятельность и спонтанность социального развития // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2007. – № 4. – 0,9 п. л.
3. *Бондаренко О.В., Молчанов К.В.* Социальные установки и экономические стереотипы общественного сознания // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2007. – № 4. – 0,63 п. л. (0,5 п. л.).
4. *Молчанов К.В.* Идейное обоснование и выбор проекта экономической модернизации России // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2007. – № 5. – 0,6 п. л.
5. *Бондаренко О.В., Молчанов К.В.* Связь экономических идей и социальных идеалов в экономико-философских концепциях // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2007. – № 5. – 0,6 п. л. (0,45 п. л.).
6. *Молчанов К.В.* Экономико-философское видение социального порядка // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2008. – № 1. – 0,5 п. л.
7. *Чуланов В.А., Молчанов К.В.* Принятие общественным сознанием целей и средств модернизационного проекта // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2008. – № 1. – 0,6 п. л. (0,45 п. л.)

монографии

8. *Молчанов К.В.* Практика институциональной модернизации российского общества 90-х гг. (начала эволюционного анализа). – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. – 4,5 п. л.
9. *Молчанов К.В.* Современная экономическая философия и обоснование нового модернизационного проекта развития России. – М.: Изд-во «Кредо», 2006. – 10,9 п. л.
10. *Молчанов К.В.* Экономико-философские идеи в модернизирующейся России. – Ростов н/Д: Изд-во «Логос», 2007. – 17,9 п. л.
11. *Молчанов К.В.* Политическая экономия и экономическая наука. Ч. 1. Современная политическая экономия: новая общественная формация и прибавочная стоимость в ее диалектическом развитии. – М.: Издательский дом «Грааль», 2001. – 5,0 п. л.
12. *Молчанов К.В.* Новый подход. Предопределенность современного рассмотрения политической экономии. – М.: Издательский дом «Грааль», 2001. – 7,0 п. л.

13. Молчанов К.В. «Капитал» Маркса, вся логика Гегеля и современная политическая экономия. О «Капитале» Маркса, Логике Гегеля, их ленинских исследованиях и общей топологии. – М.: Изд-во «Край Родной», 2001. – 6,0 п. л.
14. Молчанов К.В. Феноменология капитализма. – М.: Изд-во «КРАЙ», 2002. – 11,0 п. л.
15. Молчанов К.В. Что делать? – (некоторые аспекты феноменологии идеи и истории прогресса). Краткое изложение. – М.: Изд-во «Реглант», 2004. – 5,4 п. л.

брошюры

16. Молчанов К.В. С чего следует начинать сызнана науку. – М.: Изд-во «Реглант», 2003. – 2,3 п. л.
17. Молчанов К.В. Социальная структура и стратификация как объект социально-экономического анализа. – Ростов н/Д: Изд-во «Логос», 2003. – 1,6 п. л.
18. Молчанов К.В. Особенности экономического поведения и социального восприятия разностатусных групп в российском обществе. – Ростов н/Д: Изд-во «Логос», 2004 – 2,1 п. л.

статьи

19. Молчанов К.В. Философия хозяйства – объективность перехода от формирования современной и будущей политической экономии // Философия хозяйства. – 2001. – № 3. – 0,5 п. л.
20. Молчанов К.В. К современной политической экономии (о цикле авторских политэкономических очерков) // Философия хозяйства. – 2001. – № 2. – 0,7 п. л.
21. Молчанов К.В. О философско-экономических основах современной теории социально-экономического развития // От Сциллы к Харибде: Актуальный опыт России / Под ред. Ю.М. Осипова, О.В. Иншакова, Н.П. Вашекина, Е.С. Зотовой: В 2х т., Т. 2. – М.-Волгоград, Изд-во Волгоградского государственного университета, 2002. – 1,5 п. л.
22. Молчанов К.В. Общественно-институциональный аспект «времен перемен» // Экономическая теория в XXI веке – 9: Глобальное и национальное в экономике / Под. ред. Ю.М. Осипова, В.В. Чекмарева, Е.С. Зотовой: в 2-х т., Т. 2. – М.: Изд-во «Экономистъ», 2004. – 0,45 п. л.
23. Молчанов К.В. О философско-экономических основах и форме современной определенной теории социально-экономического развития. Моменты формирования современной базы исследований // Философские исследования. – 2002. – № 1. – 1,5 п. л.
24. Молчанов К.В. Начала или моменты актуализации единства сознания и бытия в процессе воспроизведения философии Гегеля // Философские исследования. – 2002. – № 3-4. – 0,5 п. л.
25. Молчанов К.В. Актуализация четвертого направления политической экономии и его теории – теории иного капиталистического развития. // Философия хозяйства. – 2002. – № 6. – 0,45 п. л.

26. Молчанов К.В. Предпочтительность иного капиталистического пути развития для России // Неуемная Россия / Под ред. Ю.М. Осипова, О.В. Иншакова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой: в 2-х т., Т. 1. – М.-Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2003. – 0,4 п. л.
27. Молчанов К.В. Трансцендентный опыт или о первом моменте трансцендентного познания // Философские исследования. – 2003. – № 1. – 0,6 п. л.
28. Молчанов К.В. Качество трансцендентного опыта // Философские исследования. – 2003. – № 2. – 0,5 п. л.
29. Молчанов К.В. Метафизика социализма, или диалектическое обоснование современной политической экономии // Философия хозяйства. – 2003. – № 2. – 0,45 п. л.
30. Молчанов К.В. Трансцендентное познание и его значение // Философские исследования. – 2004. – № 1. – 0,5 п. л.
31. Молчанов К.В. Различенная философская основа: воспроизведение философии Гегеля и два из ее собственных моментов // Философские исследования. – 2004. – № 2. – 0,9 п. л.
32. Молчанов К.В. Третий из собственных моментов воспроизведения философии Гегеля или одно из отличий потаенной диалектики и известной логики // Философские исследования. – 2005. – № 1. – 0,8 п. л.
33. Молчанов К.В. Философия сама и в непосредственности бытия // Философские исследования. – 2005. – № 2. – 1,0 п. л.
34. Молчанов К.В. Новая экономическая философия и ее социальная субъектность // Научная мысль Кавказа. Приложение. – 2006. – № 5. – 0,9 п. л.
35. Молчанов К.В. Переход к практической философии хозяйства // Философия хозяйства (к 65-летию Ю.М. Осипова). Под ред. Е.С. Зотовой. – М.-Екатеринбург: Изд-во УрТИСИ ГОУ ВПО «СибГУТИ», 2006. – 0,3 п. л.
36. Молчанов К.В. Опыт возвышающегося рассудка философии в бытии // Философские исследования. – 2006. – № 1. – 1,0 п. л.
37. Молчанов К.В. Сферы и этапы развития философии в бытии. И Новейшая философия // Философские исследования. – 2006. – № 3-4. – 1,0 п. л.
38. Молчанов К.В. Проблемы осмысления развития институциональной системы рыночного общества в России // Научная мысль Кавказа. Приложение. – 2006. – № 6. – 0,5 п. л.
39. Молчанов К.В. Философия. Диалектическая философия. Новейшая философия // Философские исследования. – 2007. – № 1. – 0,9 п. л.
40. Молчанов К.В. К вопросу о структурности методов диалектической философии // Философские исследования. – 2007. – № 3-4. – 0,9 п. л.
41. Молчанов К.В. Современная диалектическая философия. И российская диалектика // Философские исследования. – 2008. – № 1. – 1,0 п. л.

Подписано в печать 21.05.08 г. Формат 60х84/16. Бумага офсетная.
Цифровая печать. Объем 1,5 уч.-изд. л. Тираж 100. Заказ № 39/05.

Отпечатано в типографии ООО «Диапазон».
344010, г. Ростов-на-Дону, ул. Красноармейская, 206.
Лиц. ПЛД № 65-116 от 29.09.1997 г.

